

ПЕРЕЗРОДА

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Январь 1926 г. № 10 (2).

Рига, Редакция и контора L. Kaleju iela 43
Телеф. 20-76 и 34-43

Цена номера 80 сент. (40 руб.)
За границей 20 амер. цент.

Содержание:

- К. Д. Бальмонтъ — „Невидимка“
Ю. Галичъ — „Юли-Юли“
М. Осоргинъ — „Милое имя Наташа“ (окончание)
Ив. Шмелевъ — „Въ ударномъ порядкѣ“ — рассказъ
ветеринара (продолженіе)
В. Никифоровъ-Волгинъ — „Заутреня святителей“
Проф. Н. И. Мишеевъ — „Поэтъ современнаго
города“ (М. В. Добужинскій)

Репродукції картинъ и рисунковъ М. В. Добужинскаго, изъ нихъ двѣ въ краскахъ: „Рига. Уголокъ Набережной“, „Мѣсяць въ деревнѣ“. Дѣтскій уголокъ. По бѣлу свѣту. Русская книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Ардыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И. Купринъ, Ва. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковский и друг. Обложка — работы М. Добужинскаго.

Отъ редакціи.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ начнутся печатаніемъ новый фантастическій рассказъ

Ив. Лукаша — „Зеленый островъ“ и рассказъ **Бор. Зайцева** — „Атлантида“.

Рассказъ **А. И. Куприна** — пойдетъ съ № 12.

Представительства журнала „Перезвоны“

Австрія — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.

Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.

Германія — Кн. маг. О. Дьяковой — Berlin W. Kleiststrasse 23.

Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzynka 192.

Румынія: — Кн. маг. „Книга“ — Chişinau (Кишиневъ), str. Alexandru cel Bun 71.

Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.

Франція — „Librairie Hachette“ (Messageries de journaux) III, rue Réaumur III, Paris 2e.

Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Praha II, Ječná 32.

Югославія — И. И. Карпенко — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Приемъ подписки и розничная продажа.

Всѣ твердятъ наперебой:

Хорошо печеть Алой!

Спеціальная фабрика
баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

С. А. ВЛЕХМАНЪ и С-ья

12. Грѣшная ул. 12.

Верхн. сорочки. Галстухи.
Трикотажное бѣлье.
Носки. Чулки.
Кашнѣ и шелковые шарфы.
Модныя сумочки.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 годъ

Слово

Издание Акционернаго Общества „САЛАМАНДРА“
Рига, Латвія. Бол. Кузнечная ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

Въ „СЛОВЪ“ участвуютъ:

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, А. Борманъ, поч. акад. Ив. Бунинъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Бѣлогорскій, А. Хрипуновъ, проф. И. Ильинъ, П. Красновъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, проф. Карташовъ, А. Купринъ, А. Фонъ-Лампе, Ив. Лукашъ, А. Лясковскій, кн. А. П. Ливень, Б. Неандеръ, К. Парчевскій, проф. А. Пиленко, Б. Зайцевъ, Н. Рыбинскій, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, В. Шульгинъ, Ив. Шмелевъ, А. Тыркова, В. Унковскій, А. Черный и другіе, а также депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и латвійскія общественно-литературныя силы.

Подписная цѣна:

въ Ригѣ — 2 л. — с. (100 р.) въ мѣсяцъ
въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.) „ „
за границей — 70 амер. центовъ „ „

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

==== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью ====

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на ½ г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., ½ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Лучше
карандаши
датского производства.
Въ продажѣ во всѣхъ
большихъ писчебумаж-
ныхъ магазинахъ :-:

Представитель :
Р. ФРЕДЕРИКСЕНЪ
Реформатская ул. 8.
Тел. 60-87.

Sultanes

сигаретты

должны быть на каждомъ кури-
тельномъ столѣ.

Мы умнѣе!

Размѣръ нашей обуви не больше,
чѣмъ онъ нуженъ на самомъ длѣ.
Гетръ мы также не носимъ, а шерстя-
ныхъ носковъ не признаемъ. Все это
замѣняемъ, употребляя новыя согрѣва-
ющія подошвы „Кукироль“, котор. предо-
храняють ноги отъ холода и сырости.
Мы чувствуемъ себя прекрасно въ
тонкихъ шелковыхъ носкахъ. Пара
подошвъ „Кукироль“ стоить Ls. 3.

Мозоли, роговой наростъ, ссадины
и бородавки уничтожаетъ миллионо-
кратно испытанный извѣстный мозоль-
ный пластырь „Кукироль“. Пакетъ —
Ls. 1. Продается во всѣхъ аптекар-
скихъ магазинахъ и аптекахъ.

Излюбленная
марка

ШОКОЛАДЪ

КОНФЕКТЫ

КАКАО

Акц. О-во

Л. В. ГЕГГИНГЕРЪ

Склады: въ г. Ригѣ, Конюшенная ул. 7, тел. 33-62.

въ г. Либавѣ, Зерновая ул. 39, тел. 5-81.

ШУРШВЗВШЫ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 10 1926 10

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

НЕВИДИМКА

Приткимв шагомъ по оврагамъ пробѣжалъ.
Тамъ на версты растянулся, здѣсь онъ малъ.
Въ полѣ чистомъ съ долгимъ свистомъ закрутиль.
Здѣсь любого бросить о-земь, тамъ безъ силъ.

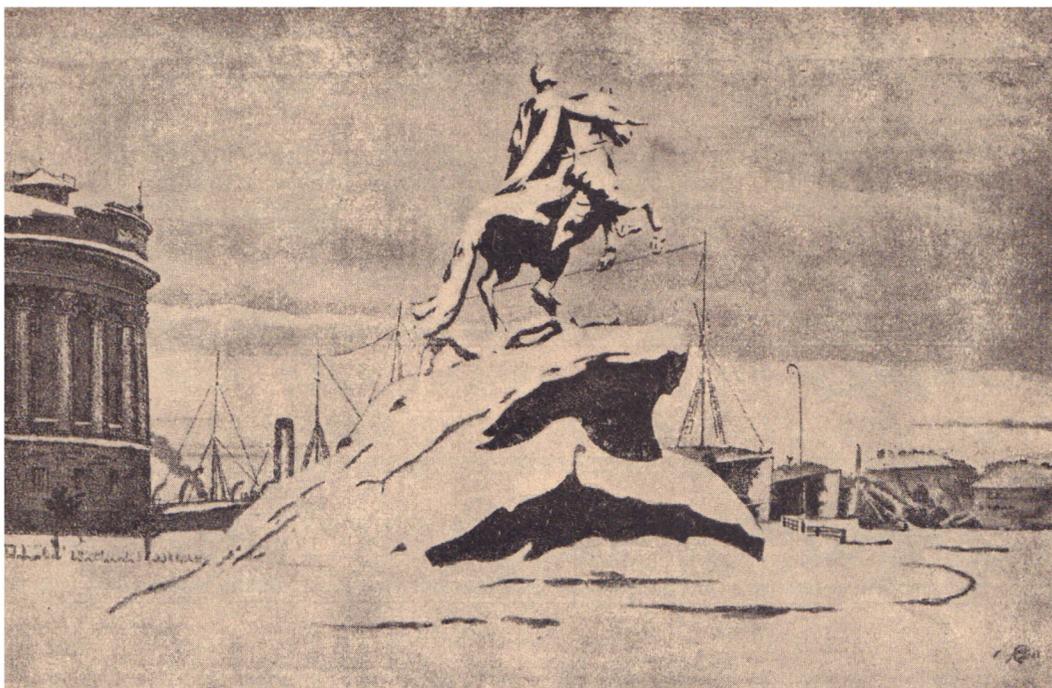
Въ столбъ тягучій тамъ онъ тучи строить вкось.
Кто бъ ты ни былъ, съ невидимкой спорить брось.
Тонкимъ клювомъ здѣсь стучится онъ въ окно.
Никому развѣдать вѣтеръ не дано.

Ты проходилъ здѣсь. Ты проходилъ здѣсь. Ты проходилъ здѣсь. Я это знаю.
Ты мартъ развѣялъ, апрѣль затеплилъ, и въ сердце вдунулъ служенье маю.
Я подорожникъ. Я маргаритка. Я незабудка. Я ландышъ въ дремѣ.
Я цвѣтъ сирени. Я духъ черемухъ. Я цвѣтъ купавы на водоемѣ.
Мы возрастаемъ и расцвѣтаемъ, не опоздаемъ для поцѣлуя.
Равно обнимаетъ насъ невидимка, летя, танцую и насъ волнуя.
Пыльцу цвѣтную въ саду онъ сѣетъ, по старымъ балкамъ по ветхимъ крышамъ.
Мы пьемъ корнями земную силу, мы лепестками весь воздухъ слышимъ.
Въ горахъ гранитныхъ предѣлы смерти не безграничны — стѣна откоса
Зазеленѣла пластами моха, заголубѣла отъ ломоноса.
Въ степяхъ безкрайныхъ разгуль былиннокъ, въ нихъ плясъ нашептанъ и запрокинуть
До стебля стебель — наклонъ и выгибъ, напѣвъ составленъ и вдалъ раздвинуть.
Гдѣ невидимка? Куда онъ скрылся? Онъ въ мелкой ряби средь листьевъ ивы?
Въ болотѣ бродить? Осокой шепчетъ? И говорливый проходить нивой?
Гдѣ невидимка? Живому нужно касанье ласки, вѣщанье звука.
Безъ близи въ сердцѣ нѣтъ больше жизни. Вся мудрость — въ счастья. Любовь — наука

А проснется, развернется, вотъ коверъ,
Выше поля, выше лѣса, выше горъ.
Златокрайный — весь коверъ тотъ самолетъ,
Онъ полнеба огнепляской обойметъ.
Заиграетъ онъ каймою изъ зарницъ,
Стаю выпустить багряныхъ, быстрыхъ птицъ.
Какъ взмахнетъ одна крылами изъ огня,
Громъ гремитъ съ восхода дня къ заходу дня.
Какъ начнетъ другая огненнымъ хвостомъ,
Загремитъ, не изгремится за ночь громъ.
Какъ ударитъ третья клювомъ золотымъ,
И на кузницѣ небесной рѣетъ дымъ.
Вспрыгнетъ пламень — и прокатится проломъ
По стѣнамъ — изъ тучи сложенныхъ хоромъ.

Тутъ начнется огнептичій хороводъ,
Дождь такой, какъ будто ждалъ онъ цѣлый годъ.
Громъ такой, какъ будто хочеть изгремѣть
Всю во мракахъ накопившуюся мѣдь.
И за молніями молніи летятъ,
Невидимкѣ огнепляской тѣшатъ взглядъ.
Вся расколота небесная гора,
Брызжутъ токи тучевого серебра.
Всѣ излились. Миръ омытый посвѣтлѣлъ.
Невидимка бросилъ верхній свой предѣлъ.
И запуталъ заалмазненный овесъ.
И у дѣвушки качаетъ прядь волосъ.

К. Бальмонтъ

М. В. Добужинскій

„Памятникъ Петру Великому“

Н. И. МИШЕЕВЪ

„ПОЭТЪ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА“

М. В. ДОБУЖИНСКІЙ

I

Литература о М. Добужинскомъ очень велика. Кромѣ солидныхъ монографій, какъ, напр. С. Маковского in folio, Голлербаха, я считалъ до 70-ти большихъ и малыхъ статей о немъ. На долю не каждаго художника выпало такое вниманіе. Значитъ, онъ задѣлъ „что-то“ въ современной душѣ. Обыкновенно признаніе исключительнаго таланта приходитъ... потомъ, впоследствии... При жизни довольно рѣдко. Въ данномъ случаѣ, наоборотъ. И это въ нашъ вѣкъ, такой скептической, недоверчивый, „разбросанный“, лишенный, подъ вліяніемъ разнообразія идущихъ со внѣ впечатлѣній дара сосредоточенія, способности проникнуться однимъ настроеніемъ, желанія одного пути. Безусловно, что художникъ отвѣтилъ душѣ нашихъ дней.

Задумывались - ли вы надъ „душой нашихъ дней“, душой человѣка конца девятнадцатаго столѣтія и начала двадцатаго?

Отсутствіе покоя, тревога, чувство необезпеченности, неуверенности въ завтрашнемъ днѣ... Сознаніе необычайной сложности самыхъ противорѣчивыхъ мыслей, настроеній... Наравнѣ съ этимъ ощущеніе какой-то „пустоты“ въ самомъ себѣ... Ироническая улыбка, вы-

званная „собственной персоной“, а, слѣдовательно, и „персонами“ всѣхъ окружающихъ... Недовѣріе, невѣріе, ибо, какъ говорятъ, ясно, что „твой предокъ — обезьяна“, что твоя „мать — земля“ выйдетъ на дорогу луны, сдѣлавшейся „заштатнымъ свѣтиломъ“... Гдѣ же здѣсь мѣсто Промыслу, Богу, Которому еще „на дняхъ“ десятокъ государствъ въ лицѣ своихъ священнослужителей горячо молились о побѣдѣ другъ надъ другомъ?.. И вдругъ, рядомъ же, или „на другой день“, объятія съ мистицизмомъ, крикъ отчаянія предъ „ужасомъ бессмысленной жизни“, обращеніе къ Божеству, горячая молитва, неожиданно обрывающаяся предъ поднявшими свои вѣки безцвѣтными глазами Судьбы, возставшаго страшнаго античнаго Рока... Молитва теряетъ тогда слова, поникаетъ голова, и мысль, ищущая спасенія, вдругъ обращается... къ далекому прошлому, туда, гдѣ рисуются картины „старого добраго времени“ съ его единымъ настроеніемъ, съ его образами, то полными романтизма, то проникнутыми лиризмомъ... Всплываютъ милыя картины дѣтства, сказки, и все это лишь для того, чтобы неожиданно грубымъ „толчкомъ жизни“, вродѣ рева автомобильнаго гудка, вновь быть

ввергнутымъ въ тревогу текущаго дня и опять судорожно забиться въ настроеніяхъ, которыя онъ вызываетъ.

Среда такого „водоворота“ мыслей, „водоворота“ чувствъ мы живемъ. Такова „душа нашихъ дней“, т. е. душа современнаго чело-вѣка. Обратитесь къ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, и она подтвердитъ все это. Она развернетъ предъ вами длинную вереницу „тѣней“, которыми насыщена современная душа, возлюбившая ихъ и сама похожая... на тѣнь на-стоящей души.

II

Въ Лондонѣ восемь миллионъ жителей. Въ Нью-Йоркѣ — пять. Въ Берлинѣ — четыре. Въ Парижѣ — около четырехъ и т. д. и т. д. Въ Лондонѣ, какъ и въ прочихъ городахъ, рядомъ съ улицами, залитыми блескомъ свѣта электрическихъ фонарей, помѣщаются улицы, гдѣ рекомендуется ходить „компаніей“, гдѣ полиція безсильна. Сказочное богатство уживается вмѣстѣ съ гнетущей духъ нищетой. У грандіозныхъ соборовъ совершаются чудовищ-ныя преступленія. Городская хроника оповѣ-щаетъ каждый день о десяткахъ самоубійствъ, о мошенничествахъ, гениально задуманныхъ и выполненныхъ. Рѣвъ голосовъ челоуѣческихъ и машинныхъ стоитъ весь день надъ городомъ. Съ уходомъ дня надъ нимъ раскрываетъ свои крылья ночь „съ ея безднами и мглами“. И чего только не творится подъ покровомъ этихъ „крыльевъ“. Утромъ, на разсвѣтѣ, промозгломъ, вяломъ, миллионы усталыхъ людей торопятся на изво-дящій душу трудъ, рабами, а не господами котораго они являются. Относительно сча-стливое меньшинство нѣжит-ся въ постеляхъ послѣ „бе-зумныхъ ночей“. И совсѣмъ уже ничтожная часть начи-наетъ свой день въ лабо-раторіяхъ, художественныхъ мастерскихъ и въ аудито-ріяхъ, стремясь забиться въ творческомъ трудѣ.

Это жизнь города, съ ка-ждымъ днемъ поглощающаго деревню, съ каждымъ го-домъ втягивающаго, подобно исполинскому спруту, въ свои дымныя улицы сотни тысячъ новыхъ жертвъ. Таковъ путь настоящей культуры, ея за-конъ, „его же не преjdeши“. „Душа нашихъ дней“, пси-хика современнаго челоуѣка объясняется, главнымъ образомъ, характеромъ жизни теперешняго города. Въ немъ нѣтъ кра-сочной гаммы. У него только два тона: blanc et noir. Искусство живописи, напимѣръ, без-

сильно выявить его „душу“, а, слѣдовательно, душу и городского челоуѣка. Здѣсь нужно другое искусство, и оно есть. Это г р а ф и к а. Не потому-ли сейчасъ мы знаемъ такъ много представителей ея? Не потому-ли графика про-щается въ настоящее время со своей служеб-ной ролью — копирования и стремится быть самодовлѣющимъ искусствомъ, равноцѣннымъ въ своихъ достиженіяхъ живописи и въ нѣко-торыхъ случаяхъ даже превосходящимъ ее?..

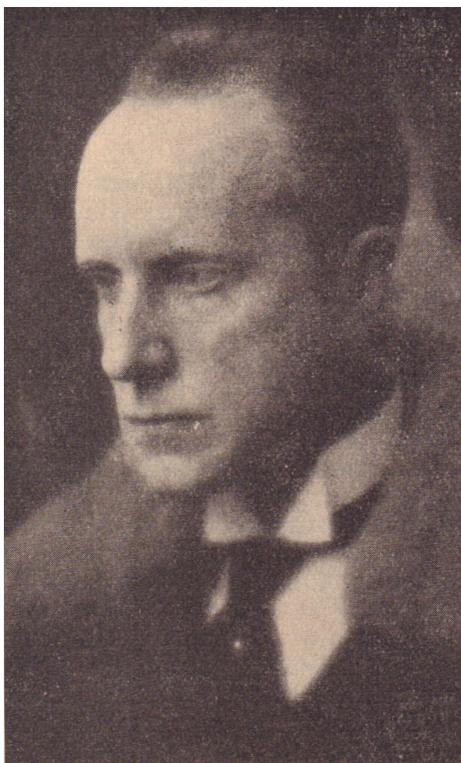
III

Я сказалъ бы, что творчество М. Добужин-скаго, принимая даже во вниманіе весь діапа-зонъ его, объясняется, какъ со стороны содер-жанія, такъ и формы, подъ условіемъ принятія только всего вышесказаннаго.

Прежде всего: исключительное большинство работъ этого художника отдаетъ свое содер-жаніе городу. М. Добужинскій — европейски признанный „поэтъ города“. Откуда у него это началось? Другими словами, каковы пси-хическія основы его творчества?

Изъ данныхъ его біографіи мы знаемъ, что онъ, такъ сказать, родился графикомъ. Съ ма-лыхъ лѣтъ въ немъ ярко обнаруживается вле-ченіе къ линіи и контурамъ. Живопись, какъ таковая, т. е. краска, ея гамма, колоритъ зани-мали его значительно въ меньшей степени, и только подъ влияніемъ ра-ботъ въ театрѣ онъ пришелъ къ нимъ, обнаруживъ и здѣсь большое мастерство. Но все-таки въ графикѣ смыслъ твор-чества М. Добужинскаго. Его художественное образование и развитіе шло именно въ ея планѣ и въ атмосферѣ ея тенденцій.

Естественно, что по мѣ-рѣ своего художественнаго развитія, у М. Добужинскаго долженъ былъ явиться во-просъ, на какой „сферѣ“ темъ надо остановиться, чтобы ис-кусство его имѣло должное примѣненіе, иначе: какую об-ласть избрать для выявленія своей художественной лич-ности, надѣленной даромъ „графическаго письма“? Какъ челоуѣка „нашихъ дней“, вни-маніе его привлекъ г о р о д ъ со своимъ „blanc et noir“, „чернымъ“ и „бѣлымъ“, какъ со „внѣ“, такъ и „изнутри“. Какъ графику, городъ далъ ему безконечный матеріалъ для линіи и контуровъ, лю-бовь къ которымъ у М. До-бужинскаго была врожден-

М. В. Добужинскій

ная. Не знаю, сознательно или интуитивно по-дошелъ онъ къ „городу“. Сожалѣю, что, имѣя возможность задать ему подобный вопросъ, не сдѣлалъ этого. Думаю, однако, что и самъ ху-

дожникъ не далъ бы опредѣленнаго отвѣта. Впрочемъ, важно не то, какъ онъ подходилъ, а то, что онъ подошелъ къ данной темѣ и серьезно на ней остановился, при этомъ, настолько серьезно, что, собственно говоря, „городской циклъ“ имъ уже законченъ, т. е. намѣчены и выполнены всѣ главнѣйшіе этапы „жизни города“, „философія“ которой для насъ въ творествѣ М. Добужинскаго совершенно ясна. Все дальнѣйшее, что будетъ имъ создано по этому „вопросу“, будетъ, въ свою очередь только углубленіемъ и разъясненіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, даже въ тѣхъ четырнадцати, — изъ нѣсколькихъ сотъ рисунковъ, посвященныхъ М. Добужинскимъ городу, репродукціи которыхъ мы помѣщаемъ, „философія города“ очень видна.

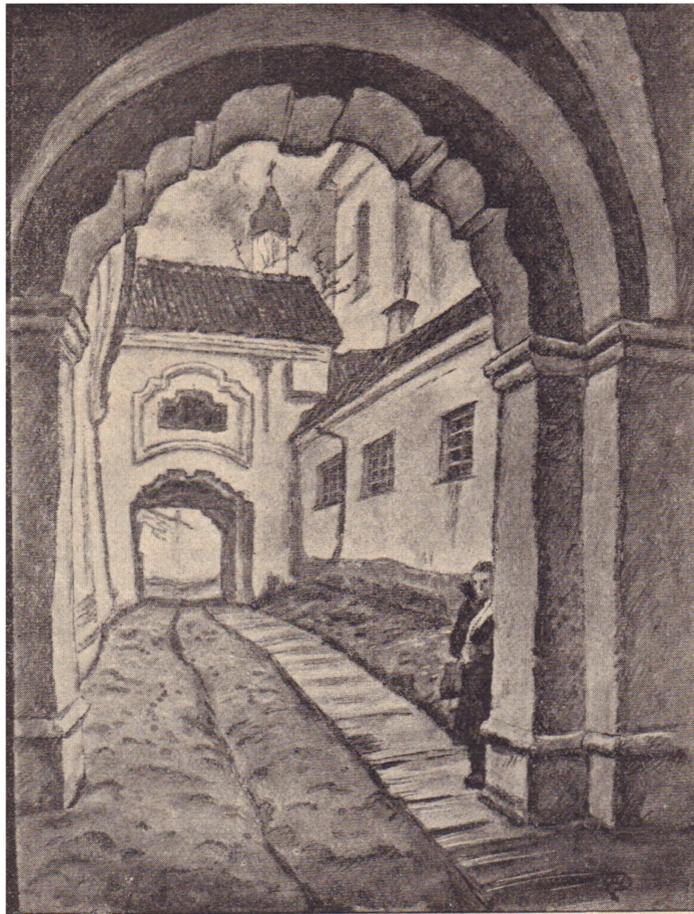
„Чернышевъ мостъ и набережная Фонтанки“ (графика), — рисунокъ, „какъ въ жизни“. Строго реалистическій, почти, на первый взглядъ, фотографія, но только лишенная „горизонтовъ“ и чувства „генія мѣста“, т. е. того, чего она никогда имѣть не будетъ, и что дѣлаетъ настоящій рисунокъ истинно художественнымъ произведеніемъ, которое вамъ больше нравится, чѣмъ вы больше въ него всматриваетесь. Строгая четкость линіи отвѣчаетъ реализму содержанія этого рисунка. Но никакой „философіи“ здѣсь не ищите. Художникъ ничего не говоритъ намъ, какъ онъ смотритъ на городъ; у него эпическое отношеніе къ послѣднему. Рядомъ, по реалистическому подходу, я поставилъ-бы „Ревель, Лабораторная улица“, хотя здѣсь душа города уже широко раскрытыми глазами глядитъ на васъ, волнуетъ своимъ „интимнымъ разговоромъ“, трепетомъ жизни прошлаго, что сказывается и въ линіи самой картины (акварель), гдѣ эмоція художника боролась съ волевымъ началомъ. „Рига, уголокъ набережной“, акварель, (цвѣтная репродукція) относится сюда же, но съ преобладаніемъ скорѣй послѣдняго начала. „Тамбовъ. Булочная“ (раскраш. литографія), еще болѣе вскрываетъ одну изъ чертъ городской провинціальной жизни, именно: претенціозность ея, вызывающую въ насъ ироническую улыбку. Вспоминается Гоголь съ его классическимъ описаніемъ трактирной вывѣски: „И вотъ заведеніе“... Здѣсь: „И вотъ булочная“. Линія художника на этомъ рисункѣ „кривляется“, давая волю ироніи. „Вильно. Входъ въ Семинарію“, (акварель), — своими линіями говоритъ намъ, что М. Добужинскій всецѣло во власти начала эмоціональнаго—импульсивнаго, которое, однако, захваченное стариной мѣста, вызывало въ художникъ настроеніе, близкое къ романтическому, что и отразилось на картинѣ. Тоже самое мы видимъ и въ чудесномъ „Уголокъ Ревеля“ (рисунокъ кистью), но здѣсь романтизмъ старины сильнѣе подчеркнутъ. Она больше взволновала художника, и онъ далъ волю своему волненію въ причудливой линіи самого рисунка. „Уголокъ Риги. Мельничная улица“ (рис. перомъ и кистью), — гдѣ кажущаяся строгость линіи домовъ вдругъ сби-

вается „комичнымъ деревомъ“, вызываетъ въ насъ ту улыбку, съ которой художникъ набрасывалъ и, притомъ, поспѣшно свой рисунокъ, боясь потерять впечатлѣніе, вызванное у него мѣстомъ. Одна изъ „гримасъ“ города видится здѣсь. „Рига. Шумная ул.“ (акварель), — подтверждаетъ способность М. Добужинскаго вскрывать тѣ черты на лицѣ города, которыя простому смертному невидимы, и въ то же время вводитъ насъ въ психику города, какъ города, каменные массы котораго и въ прошломъ его „поядаютъ“ человѣка, выстроившаго ихъ на гибель себѣ. „Человѣкъ уйдетъ, а мы останемся“, — говоритъ эта жуткая, опустѣвшая вдругъ улица, уставленная странной формы угрожающими домами. На картинѣ царитъ твердая линія, волевая, именно — въ домахъ; „линія же чувства“, согнутая въ своемъ выраженіи, вьется на землѣ, придавленной этими домами. Картина одна изъ удачнѣйшихъ у М. Добужинскаго за послѣднее время. Городъ, который борется съ землей, побѣдивъ человѣка.

Весьма понятно, что М. Добужинскій, возлюбивъ городъ, тѣмъ болѣе полюбилъ Петербургъ, этотъ нарочитый городъ, „умышленный“, по выраженію Достоевскаго. Каждый городъ есть „умыселъ“ человѣка, но Петербургъ, приказомъ Петра Великаго, выросшій вдругъ на болотахъ, носитъ на себѣ особенно характерныя черты этого „умысла“. Частые туманы, заволакивающіе его, ежегодныя наводненія, грозящія полнымъ потопомъ, бѣлыя ночи — придаютъ ему часто призрачно-трагическій видъ. Годы революціи, совершенно обезлюдившіе его, покрывшія травой такія улицы, какъ Сергіевская, вызывали у насъ, тогдашнихъ обитателей его, воспоминаніе о пророчествѣ, что „быть Петербургу пусту...“ Величественныя, замкнутыя въ себѣ, покинутыя и ограбленныя дворцы его, монументальныя зданія замерзнувшихъ бывшихъ министерствъ, колоссальныя соборы вставали среди „мрака запустѣнія“, какъ молчаливые свидѣтели былого величія, горящіе о тщѣтѣ всего земнаго и, въ частности, городско-земнаго.

Такой городъ, конечно, захватилъ М. Добужинскаго, захватилъ и своимъ прошлымъ, и настоящимъ революціоннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ матеріалъ для „философіи“ города вообще. Вотъ почему рисунки Петербурга такъ характерны для этого художника, и вотъ почему во своихъ другихъ городахъ онъ выходилъ изъ „петербургскаго настроенія“.

Взглядитесь въ эти совершенныя по исполненію „Чернышевъ мостъ“ и „Каналъ съ мостомъ“ (обѣ графики). „Призракъ — городъ“, окутанный фантастическою бѣлою ночью встаетъ передъ вами, пробуждая какое-то звенящее своей пугающей тоской чувство, завораживающее, гипнотизирующее васъ, вызывающее представление о нездѣшнемъ мірѣ. Это чувство еще болѣе усиливается передъ графикой „Бѣлыя ночи“. „Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“... Сильная рѣшетка канала, голыя и холодныя

М. В. Добужинскій

„Вильно. Входъ въ Семинарію“

стѣны домовъ, за окнами которыхъ спятъ въ бредовомъ снѣ люди... Заборъ и ворота, тупо глядящія и закрывающія дворъ съ его дровами, и эти двѣ жалкія человѣческія фигуры, очевидно не могущія выразить другъ другу то, что волнуетъ ихъ въ эту „больную ночь“. „Жертвы города“— готовы вы сказать. Конечно, жертвы, ибо ни у канала съ его чугунной рѣшеткой, ни у этихъ тупыхъ домовъ, ни тѣмъ болѣе у этой ночи съ ея безцвѣтными глазами состраданія къ людямъ нѣтъ.

Нѣтъ состраданія къ нимъ и у этого „Мѣднаго Всадника“, что такъ гордо и непоколебимо взлѣтаетъ на своемъ „сверхъ-конѣ“ въ раскрашенной самимъ художникомъ авто-литографіи: „Памятникъ Петру Великому“. Чуждо оно и „Исаакію въ снѣгу“ (авто-литографія). Два жуткихъ рисунка революціоннаго, опустѣвшаго Петербурга!.. И „Всадникъ“ и „Исаакій“, одинаково мощные, точно поджидаютъ иной, могучей породы людей, полные пренебреженія къ тѣмъ людишкамъ, которые не поняли, что величіе ихъ безъ этихъ „Исаакія“ и „Всадника“ невысказано.

„Бѣлыя ночи“ съ „Чернышевскимъ мостомъ“ и „Каналомъ“, „освѣщаемые такою ночью, и послѣдніе два рисунка вводятъ уже насъ въ постиженіе М. Добужинскимъ „философіи города“ вообще, философіи полной трагизма,

предсказывающаго катастрофу. Не можетъ не быть трагическаго конца, если городъ полонъ такихъ „Гримасъ“ (графика), коверкающихъ душу, въ одно и то же время созерцающую похороны „по первому разряду“, рожу дѣвицы „вольнаго поведенія“ на заборной рекламѣ папиросъ „Кадо“ и шарманщика съ обезьяной, напоминающей намъ „обезьяничій“ характеръ жизни городского человѣка, старающагося изо всѣхъ силъ „быть, какъ всѣ“... Не можетъ не быть конечной трагедіи и въ этомъ бессмысленномъ „Трудѣ“ (рисунокъ тушью). Люди создали колоссальныя машины, небоскребы, гигантскія лѣсницы, изводящія своимъ подъемомъ душу и тѣло. Сами превратились въ ничтожныхъ рабовъ своихъ машинъ и зданій! Для этого-ли сотворенъ былъ человѣкъ? Если не онъ, то природа создавшая его, возмутится противъ такого порабощенія. И вотъ вамъ „Конецъ“ города (рисун. тушью). Солнце потеряло свой блескъ и стало чернымъ. Земля вздрогнула, и колоссальныя городскія громады, давя другъ друга, ринулись бѣшено внизъ. Воздушный корабль, превратившійся въ гробъ, летитъ надъ городомъ, со свистомъ разрѣзая воздухъ и служа символомъ крушенія всей „городской затѣи“. Здѣсь — точка, конецъ. Кругъ заключенъ. Что можно сказать послѣ этого?

Всѣ названныя мною вещи изъ цикла города написаны М. Добужинскимъ въ разное время. Если я ихъ распредѣлилъ не хронологически, то потому лишь, что меня интересовала „философія города“, иллюстраторомъ которой явился художникъ, а затѣмъ лицо самого художника, какъ „поэта города“.

Къ этому циклу картинъ я отношу также „Ночного принца“ (графика) — иллюстрацію къ петербургскому разсказу того же заглавія Ауслендера и „Канавку“ (акварель), — не иллюстрацію, а скорѣй дополненіе къ „Пиковой дамѣ“.

„Ночной принцъ“ — это Петербургъ прошлаго. Налетъ гофманскаго „фантастическаго реализма“ лежитъ на немъ. Нельзя забыть такую снѣжную ночь, которой смотритъ въ глаза народный домъ, гдѣ у стѣнъ сошлись двѣ темныхъ фигуры, рѣшающія вопросъ „быть или не быть“.

Поразительна „Канавка“ въ бѣлую ночь съ видомъ на Неву, Петропавловскую крѣпость, покинутой Лизой и фигурой Германа, уносящаго шкваломъ своей демонической души. Твердо очерченная живая линія арки... Угрожающій выступъ дворцоваго строенія... Фантастически удлиненный шпиль крѣпости, бросающій вызовъ небу... Призрачный свѣтъ грандіознаго „сочиненнаго“ города... И этотъ трагическій Германъ, влекомый поднявшимся въ его душѣ вихремъ въ объятія смерти! Какой контрастъ между „притаившейся“ статикой „умышленнаго“ города и безграничной динамикой героя, дерзнувшаго затянуть въ бесѣду своего духа!..

Надломилась бы душа художника, если бы онъ вращался только среди такихъ трагическихъ темъ. Къ счастью, онъ можетъ и смѣяться въ своей графикѣ. Иллюстраціи къ сказкѣ „Бармалѣй“ и „Свинопасъ“ яркое тому доказательство. Замѣчательно нарисованъ почтенный нѣмецъ-докторъ „Ай-Болитъ“, который „улыбаясь говоритъ“, прося свирѣпаго Бармалѣя пожалѣть до нельзя испуганныхъ дѣтей. Сколько юмора и мастерства далъ художникъ и въ образѣ этого Бармалѣя, воплощенную свирѣпость, и въ докторѣ и, наконецъ, въ дѣтяхъ, три точки на лицѣ которыхъ выражаютъ крайній испугъ! Не менѣе совершененъ рисунокъ и къ „Свинопасу“. Полна жеманнаго пренебреженія принцесса, которой не нравится постоянная роза, и которой нужна роза восковая. Противоположность прекрасному цвѣтку рожа кормилицы съ правой стороны рисунка подчеркиваетъ смѣхъ художника, съ такимъ чутьемъ постигнувшаго смыслъ прелестной сказки Андерсена.

Кромѣ смѣха, художника спасаетъ также и глубокій лиризмъ, въ большой степени свойственный его душѣ. Отдаваясь ему, онъ уходитъ отъ гнетущихъ душу „гримасъ“ города, обращается къ сравнительно близкому прошлому, ставшему для насъ, благодаря революціи, безконечно далекимъ, и вызываетъ оттуда милыя гѣни. „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ (акварель,

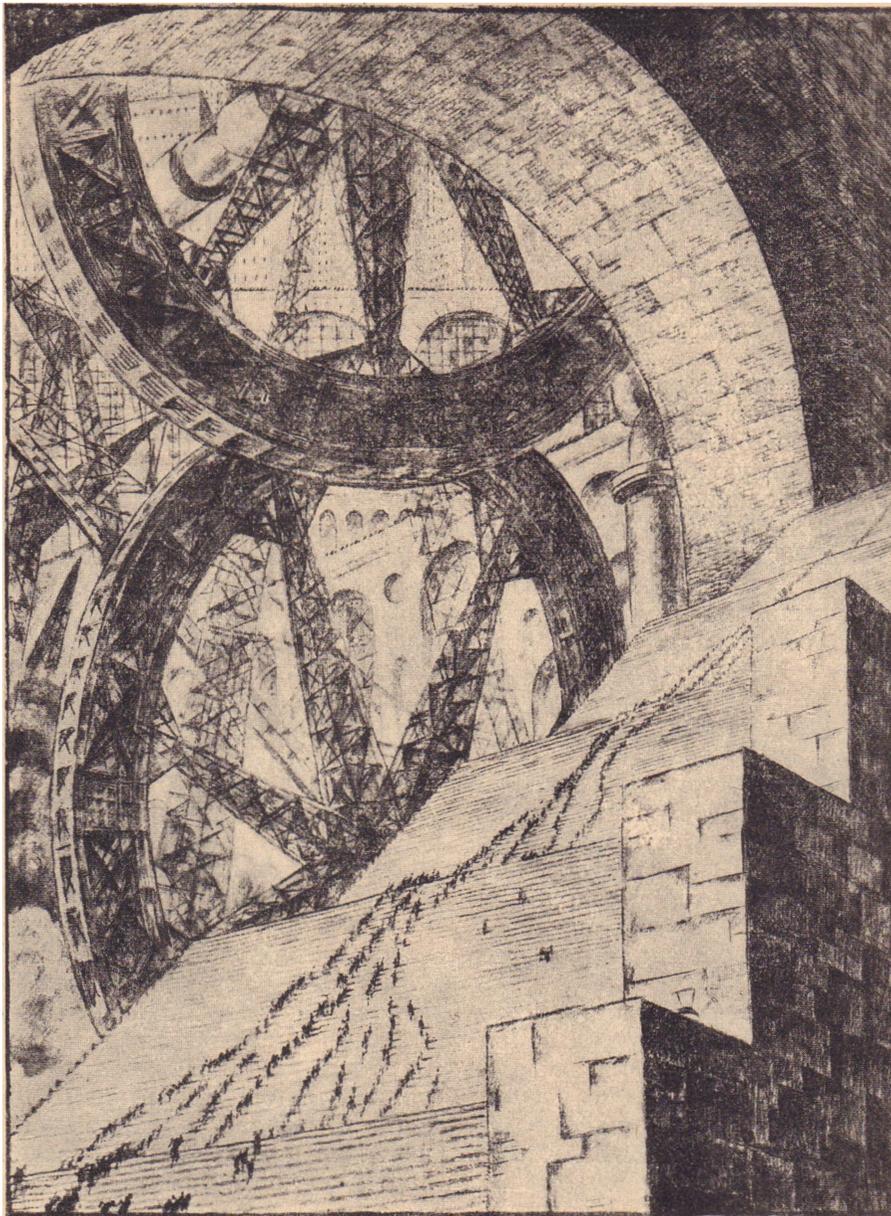
цвѣтная репродукція) явственно говоритъ намъ объ этомъ „сдвигѣ“ художника. Картина „напѣваетъ“ намъ пѣсню, которую мы съ удовольствиемъ слушаемъ. Конечно, звучатъ и скорбныя нотки въ этой пѣснѣ, но „печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ... мнѣ нравится ихъ жалобный напѣвъ...“

IV

Нѣтъ возможности въ журнальной статьѣ дать полный обзоръ творчества М. Добужинскаго. Вы могли видѣть даже изъ всего вышесказаннаго, какъ великъ діапазонъ этого творчества со стороны содержанія, какъ въ этомъ отношеніи многогранна душа художника, какое большое явленіе въ русскомъ искусствѣ онъ представляетъ. Мнѣ приходится лишь вскользь упомянуть объ его прекрасныхъ декораціяхъ къ „Евгенію Онѣгину“, „Пиковой Дамѣ“, „Мѣсяцу въ деревнѣ“, „Феѣ Куколь“, „Франческѣ да Римини“ и мн. др. Онъ — признанный здѣсь стилистъ, съ совершенствомъ постигающій духъ эпохи, духъ пьесы и своими декораціями, костюмами переносящій насъ въ эту эпоху, заставляющій жить ея жизнью. Развѣ „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ не вызываетъ въ васъ „тургеневскихъ настроеній“ въ преломленіи 40-хъ годовъ? Развѣ костюмъ „Вѣрочки“ (акварель), — не говоритъ самъ за себя? А этотъ „Джакото“ цѣлый портретъ (акварель), — не ставитъ васъ лицомъ къ лицу съ тираномъ Ренессанса? И развѣ вы не улыбаетесь, разглядывая этого почтеннаго бюргера — „Нѣмца“, (акварель), живущаго на проценты, съ кружкой добраго пива?..

Наконецъ, М. Добужинскій и тонкій портретистъ, схватывающій не только черты лица, но и то, что скрывается за ними. Здѣсь онъ большой мастеръ. Его умѣнье нѣсколькими штрихами передать лицо удивительно. Акварельный „Портретъ г-жи А. М.“ — послѣдняя работа М. Добужинскаго. Замѣчательно освѣщеніе лица, необыкновенно живые глаза, пѣвучая линія шеи и плеча. Къ сожалѣнію, репродукція чернымъ не передаетъ всей прелести красокъ акварели и ихъ нѣжныхъ тоновъ.

Останавливаясь на самыхъ послѣднихъ работахъ М. Добужинскаго, какъ, напр., серія картинъ на мотивъ „Пиковой Дамы“, можетъ быть, лучшее, что создано художникомъ, этюды Риги, Ревеля, рядъ портретовъ, высоко-талантливая по содержанію и формѣ обложка для журнала „Перезвоны“ и др., мы видимъ несомнѣнный духовный ростъ художника, его полную самостоятельность въ своемъ мастерствѣ, гдѣ, напр., тенденція кубизма, экспрессионизма плавятся съ тѣмъ, чтобы дать художнику новую, искомую имъ форму, играющую въ его творствѣ не самостоятельную роль, а чисто-служебную — для наилучшаго выраженія волнующаго духа художника содержанія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны въ творствѣ М. Добужинскаго синтезъ интуитивнаго, импульсивнаго начала съ волевымъ, находящій себѣ въ его формѣ переплетеніе чет-

М. В. Добужинскій

„Трудъ“

кой, „кубической“ линіи съ линіей, насыщенной трепетомъ, волненіемъ, линіей, полной музыкальности.

Это вѣрный путь. Онъ чрезвычайно психологиченъ, отвѣчая основнымъ свойствамъ нашего духа, для котораго недостаточно и одной „прямой линіи“, и одной „извилистой“. Жизнь слишкомъ сложна, чтобы довольствоваться только чѣмъ-нибудь однимъ и, чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ должно быть сложнѣе и съ вопросомъ.

Я не писалъ статьи, предназначенной для специалистовъ, а потому лишь мимоходомъ касался разнообразнѣйшей манеры письма

М. Добужинскаго. Обращаю здѣсь только вниманіе на это поражающее разнообразіе техники, соединенное съ исключительнымъ знаніемъ матеріала и умѣнемъ использовать его свойства. Моей ближайшей цѣлью было нарисовать художественный обликъ М. Добужинскаго и отмѣтить значеніе его въ современномъ искусствѣ. Буду очень радъ, если при ограниченномъ рамкахъ настоящей статьи матеріалъ, мнѣ удалось приблизиться къ разрѣшенію поставленной задачи.

Н. И. Мишевъ

ВЪ УДАРНОМЪ ПОРЯДКЪ

(Разсказъ ветеринара)

II

Я увидѣлъ манинскіе сады, десятинь на двадцать — „Царскій“, „Господскій“, „Новый“... — въ бархатъ строгихъ елей, въ золотъ и багрянцѣ клена. Золотая чаша... расплескалась?..

Глухари загремѣли глухо — вкатили въ еловую аллею. И поднялось бывшее. Вотъ, увижу парусинную поддевку, бѣлую бороду, палку, — покрикиваетъ Василій Поликарпычъ; къ навѣсамъ ползутъ телѣги, плывутъ на плечахъ корзины, желтѣютъ-алѣютъ груди, шуршитъ солома, и душитъ виномъ отъ яблокъ, — виномъ, смолою... Подводы плывутъ навстрѣчу, жуютъ мужики съ хрустомъ, сіяетъ солнце... „Здравствуй, Мяхаль Иванычъ!“ — кричитъ, бывало, — „по яблочки пріѣхаль?..“

Да, чортъ... на сладкія тогда яблочки пріѣхаль!

Было какъ на кладбищѣ, грустно. Въ еляхъ сады сквозили, сады дремали. Краснѣли точки. Мальчишки шныряли воровато, пугливо выглядывала баба — кто такіе? Чернѣли пустынные навѣсы, гдѣ-то какъ въ пустоту стучало, — въ ящикъ?.. Бѣжала коровенка, орала дѣвка, яблоками швыряла въ коровенку — „а, лихъ те но-силь!..“

— „Хозяйскаго-то глаза нѣту, гляди-ка!..“ — сказала Матвѣичъ. — Лѣтось сгноили... нонче совсѣмъ не уродило... Сушильника наемни арестовали, Николая... За одно словечко! „Сволочи, Царя убили!“ Велѣли на чай жарить. Китайцы не даютъ чаю... ну, гыть, мы имъ покажемъ! Ну вотъ — казать и будемъ...“

По низинѣ пошелъ малинникъ, — десятины, вправо — поля клубники, ржавыя сухія гряды, красно. По косогорамъ ряды „смороды“, — такъ и звала Марья Тимофеевна, — смородина, крыжовникъ. А вонъ и веселое сверканье, — одни за другими, стѣны, — оранжереи, грунтовые сараи, съ высокими щитами — парусами. Пробоинъ сколько! — словно залито дегтемъ. За радугами стеколь видѣлось мнѣ зеленое мерцанье, помнились грозди сливы, персиковъ, померанцевъ, шпанской вишни...

Если бы вы видали! Печкинъ — Печкинъ!.. Ярославецъ ты ярославецъ!..

Смотрѣлъ на дырья... —

— „Вѣрите ли, Михаль Иванычъ... стеклышка вставить не осиятъ... что поморозили, поганцы!..“

Бѣлая, золотая слива! печкинскіе ренклоды... И Москва, и Питеръ, и Гельсингфорсъ, и Вѣна, Стокгольмъ, и Лондонъ, — всѣ ѣдали. Я вспомнилъ дипломы въ золоченыхъ рамкахъ, и золотисто-синій „ербъ ве-ли-ко-бри-танскій!“ — побѣду ярославца. Бывало, передъ стѣнкой вста-

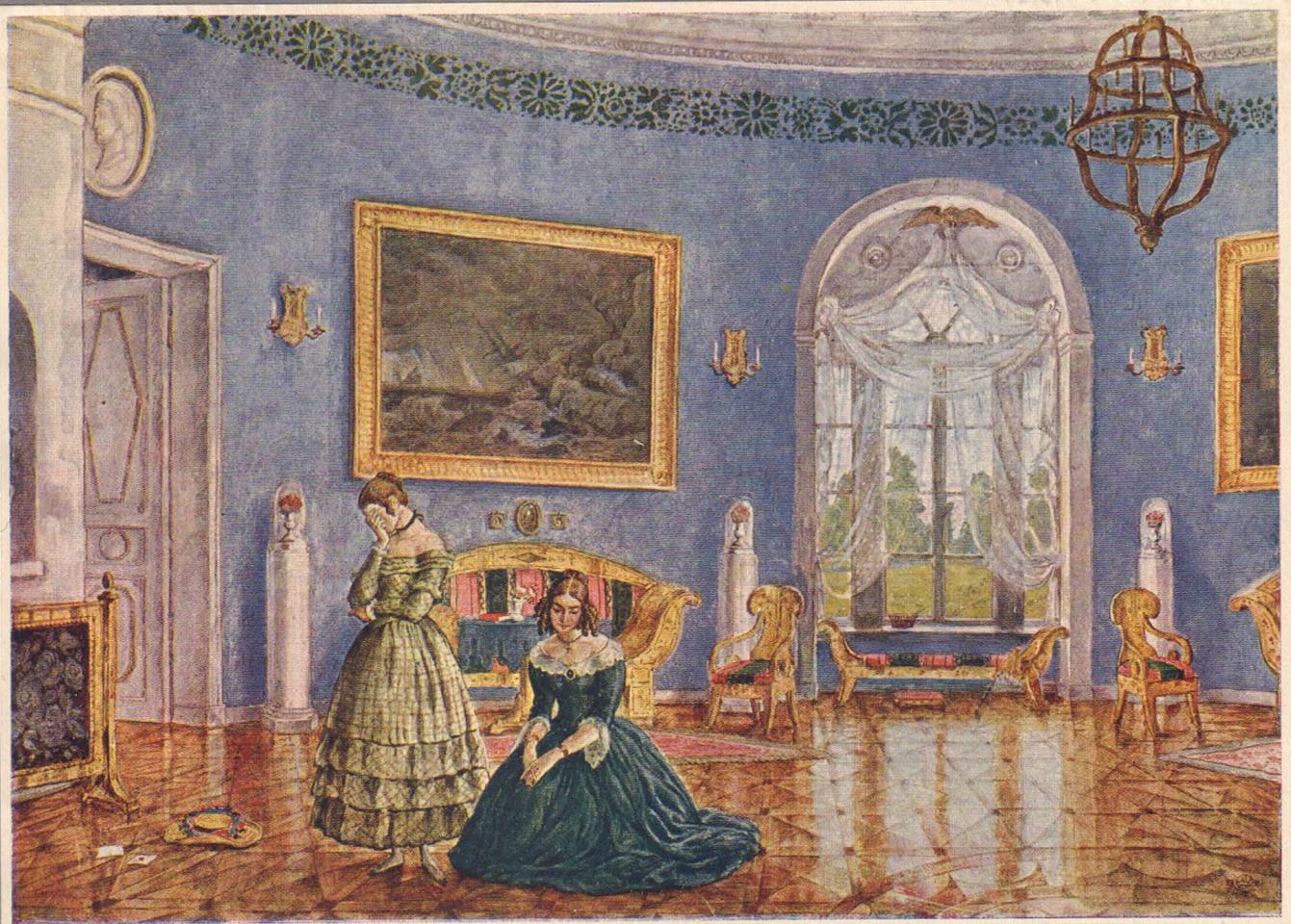
нетъ, пожуетъ бородкой на дипломы, глазокъ прищуритъ, — такъ у него изъ глазъ-то — такимъ-то смѣхомъ, бойцовымъ такимъ, мудрющимъ..! „Бумага... а красиво!“ Весь бѣлый, въ жарко начищенныхъ сапожкахъ, легкій, щеки, какъ яблочки, румянецъ стариковскій этотъ, — поокиваетъ мягко:

— „Слива моя завоевала! Онтоновка кольвилъ ихній побилала... эксперты отмѣнно похвалили. Русское яблочко... гордиться можемъ! А за „Маничкину“ малину... въ честь Манюши... — ербъ прислали! Сортъ сами укрѣпили, че-тыре ихнихъ сен-ти-метра! Тридцать тысячъ разсады взяли, ягоду очень уважаютъ англичане! Только у нихъ собьется... щепы такой у нихъ нѣту... да и подливки... секретъ не скажемъ! А вотъ и портреты наши, въ ихнихъ журналахъ были...“ — покажетъ на золотыя рамки, съ вырѣзкой изъ англійскаго журнала. — Тогда бы сняли, какъ ягоды носили... корольки прямо были!“ — Такъ пѣтушкомъ и ходитъ. — „Что, Мишука... не удаетъ нашъ Ро-стовъ-то?..“

Великій былъ патриотъ Василій Поликарпычъ.

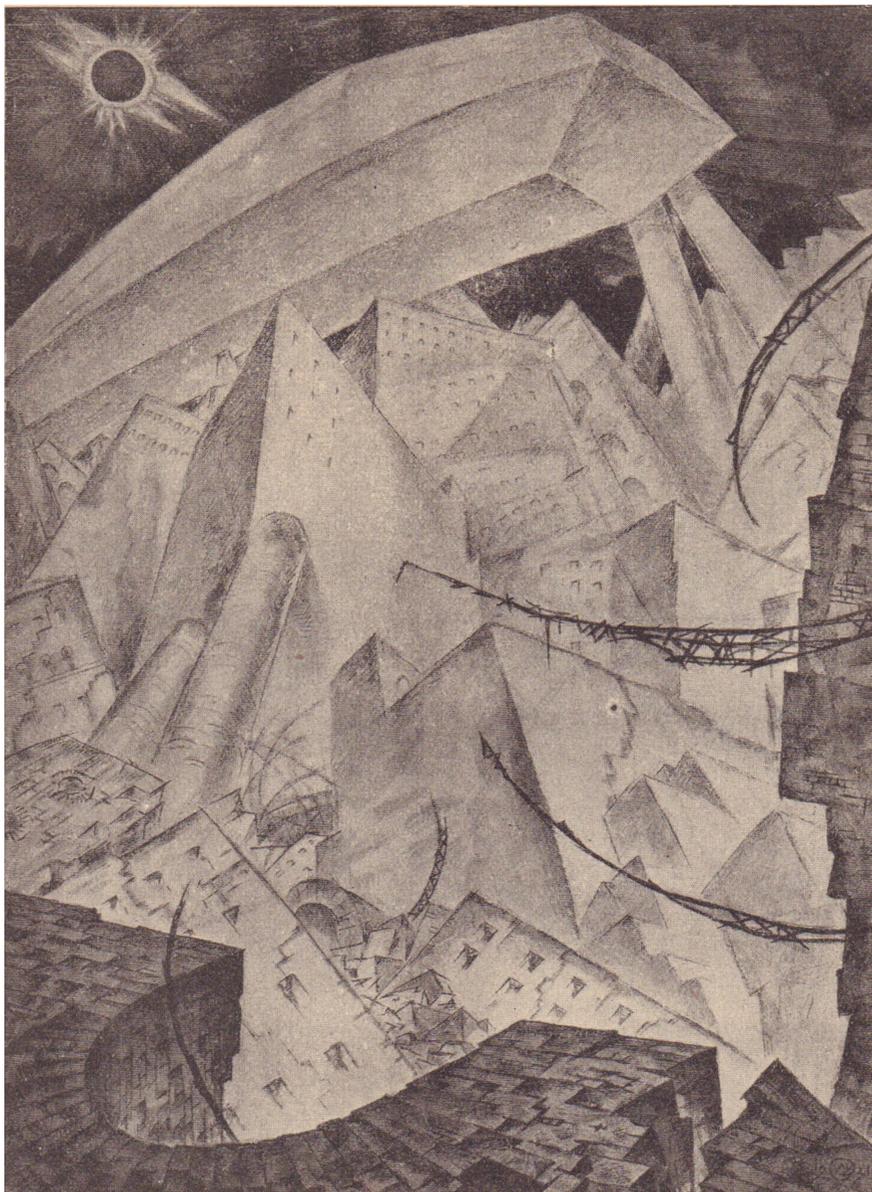
И вотъ, какъ ѣхаль я этими садами, вспомнилось мнѣ, — какъ сказка! — „какъ въ люди вышелъ“. Разсказывалъ и Василій Поликарпычъ, и отецъ покойный, — торговалъ когда-то горошкомъ съ заграницей. И я подумалъ: сколько же растеряли, по всей Россіи! Про это написать нужно. Всѣмъ разсказать нужно, какъ лапти скидывали.

Училъ когда-то... король какой-то лапотъ у себя повѣсилъ, въ гербъ вписали: изъ мужиковъ поднялся! Ну, и у Василія Поликарпыча былъ свой „лапотъ“, стоялъ въ уголку, въ конторѣ, — первый его лотокъ, какъ память. А у Марьи Тимофеевны была брошка. Заказалъ ей къ золотой свадьбѣ Василій Поликарпычъ брошку: золотое плетеное лукошко, полно малины, рубинами по верху! Самъ придумалъ. Ну, скажите... хорошему поэту впору?.. А она про заказъ какъ-то разузнала — ладно! Съѣздила куда-то, ни единая душа не знала. Пирь, гости... показываютъ подарки, — совсѣмъ недавно было. Отъ Марьи Тимофеевны Василію Поликарпычу подарка нѣту! Ну, дивятся. И Василій Поликарпычъ какой-то не свой ходитъ. Она ему — „ужъ прости, забыла!“ А онъ всегда деликатный: „ну, что ты, Манюша... ты у меня подарокъ!“ А самъ разстроень. Все помню, хоть здорово я тогда урѣзаль. Съ протодіакономъ мы тогда за „русскую славу“ пили, на войну я ѣхаль. Подходить ужинъ. Ну, ужъ... разсказывать не

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

„МВСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНЬ“ (ЭСКИЗЪ ДЕКОРАЦИИ)

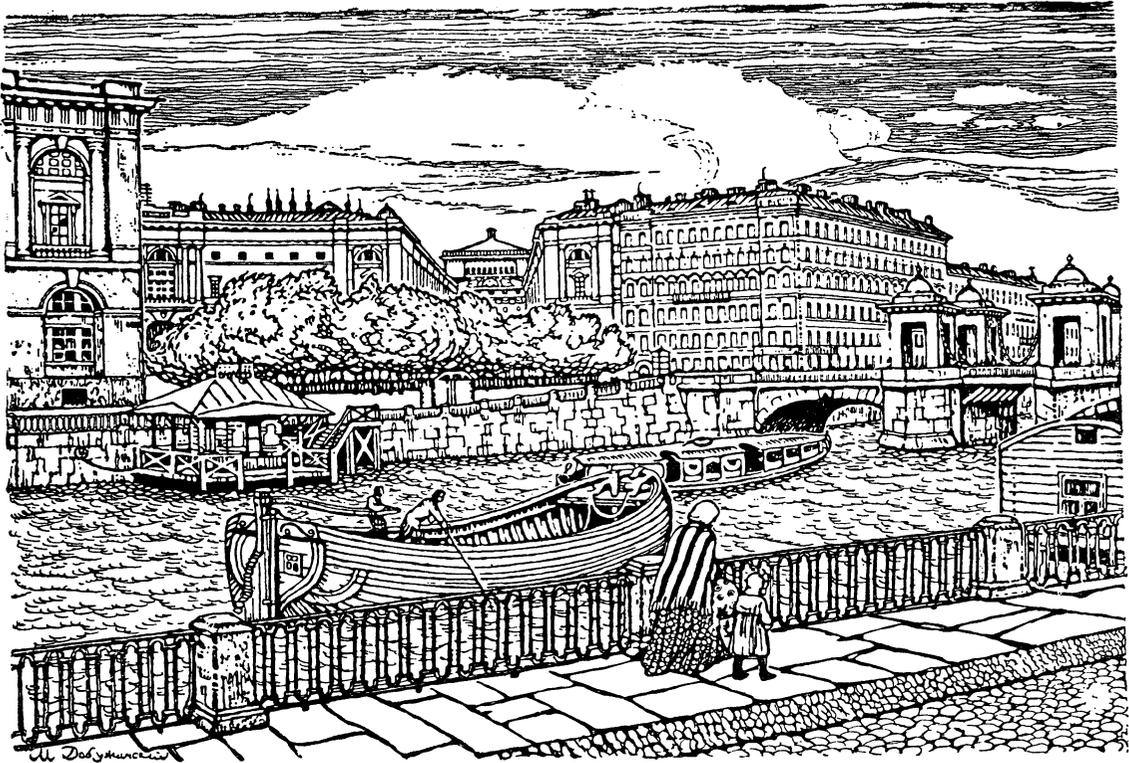

М. В. Добужинскій

„Конецъ города“

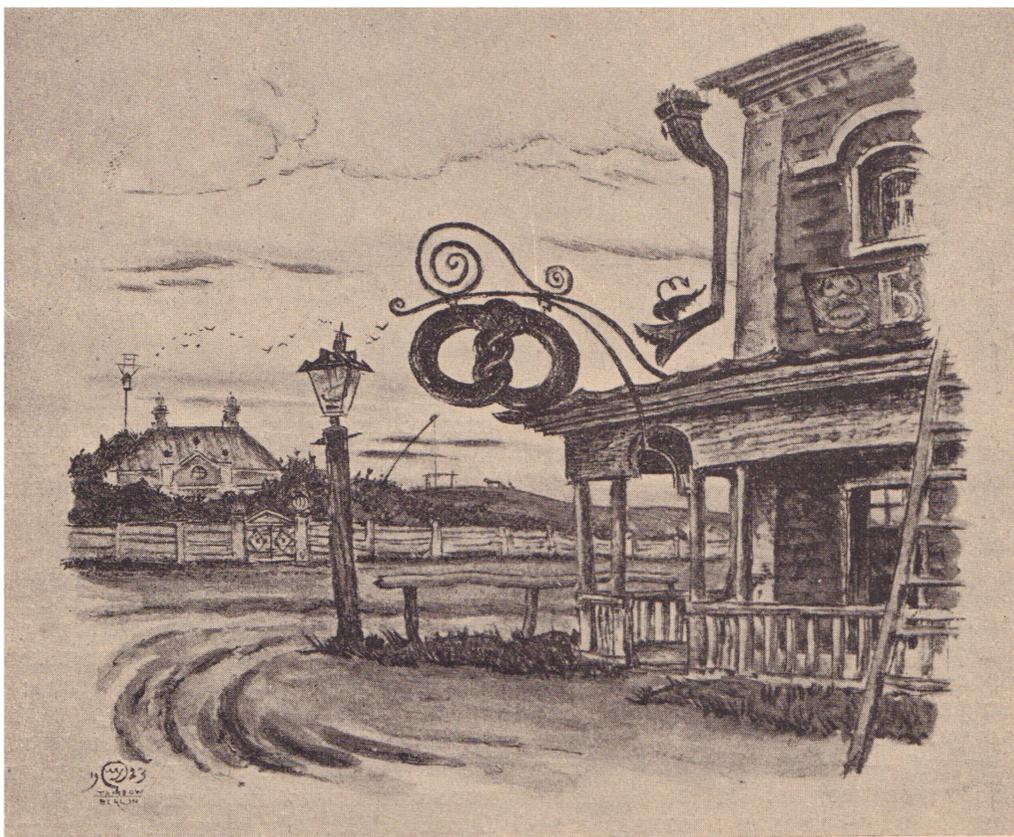
буду. Всего было. Приѣхалъ самъ вице-губернаторъ, — понятно, и исправникъ... Передъ сладкимъ протодіаконъ разодралъ такого... ей-богу, лопнуло въ коридорѣ стекло у лампы! „Многая лѣт-та-а-а!“ Одну старушку изъ-за стола подъ руки выводили, на мозгъ ей пало! Знаете, какъ у лошадей „оглушь“ бываетъ... И вотъ, какъ музыканты протрубили, — двери настежь, и вносятъ двое... Подъ розовой кисейкой, на столъ, на середку ставятъ! Ну, всѣ, понятно... Передъ „молодыми“. Встала Марья Тимофевна, во флеръ-д'оранжъ, — лицо — какъ старинная царица... или будто Марфа Посадница! Черты у ней — старое серебро на перламутрѣ! Влюбиться можно. И вотъ подымаетъ она кисейку... — ивовая корзина, а въ ней и цвѣтная тебѣ капуста, и редиска молодая, и молодой картофель, и „огурчики зелены“, верхомъ! А посередкѣ портретъ самой

Марьи Тимофевны, во флеръ-д'оранжъ. И все это, до корзины, — изъ марципана, чудеснѣйшей работы, отъ Абрикосова Сыновей! Какъ увидалъ это Василій Поликарпычъ, поднялся, такъ это часто-часто затеребилъ бородку, голову такъ вотъ, бочкомъ да кверху, приложилъ къ щекѣ руку да какъ говорочкомъ пустить бывалое... и — „огурчики зелѣны!“ И заплакалъ, обнялъ Марью Тимофевну, подъ крики. Смотрю, какъ поднялся протодьяконъ, здорово былъ въ зарядѣ... и давай орать: „сельди галански... ма-рожено... ха-ро-о-ши!“ Всѣхъ уложилъ враспяжку. Подошелъ къ Марьѣ Тимофевнѣ, кричитъ: „берите ее въ министры: у насъ министры не быстры!“ А тутъ вице-губернаторъ... Ну, ничего, смѣялся. А потомъ комплиментъ Василю Поликарпычу преподнесъ. Вынулъ его изъ-за стола, какъ ребенка, на руки взялъ, поцѣловалъ осторожно и возгла-

М. В. Добужинский

Чернышев мост и набережная Фонтанки

М. В. Добужинский

„Тамбовъ. Булочная“

М. В. Добужинскій

„Портретъ г-жи А. М.“

силъ: „твоей головой, Вася, всякую стѣну прошибить можно!“

Все о нихъ рассказать если, — романъ выйдетъ. Пиши — Россія!

Помните, конечно, какъ дѣвки наши или молодухи ягоды по дачамъ продавали? Голосъ пѣвучій, малиновый, грудной, мягкій. Красавицы какія попадались! Стоитъ за рѣшеткой, бѣленькая, цвѣтной платочекъ, съ рѣшетками клубники или малины, сама малинка. — „Не возьмете, барыня, малинки? Садовая, усанка... хорошая малинка“?.. Такимъ шелковымъ воркомъ стелеть, какъ мѣхъ лисій. Не то, что парень, — трубой выводить, хоронить будто: — „садо-ва мали-на-а...!“ Другая попадетъ — сливками обольетъ, — глазами — лаской, ситцевая бабѣнка наша, сама малина со сливками! На нашемъ сѣверѣ ягодки попадаютъ такія!.. И глаза, и губы... — цвѣты — сады! Помните — „Въ саду ягода-малинка подъ закрытіемъ росла?..“ Такая и была Марья Тимофевна наша, Маша-ярославка, ягодная Маша. Вся изъ русскаго сада вышла. Должно быть, была красавица. Я ее помню уже пожилою, вальяжной, боярыней. Отецъ говорилъ: „была

первый сортъ, навырѣзь“. Свѣтлая, глаза съ синевой, бѣлолицая, и застѣнчива, и бойка, и тиха, и жарка... Маша! Привезли ее, сироту, въ Москву къ теткѣ, — ягодами торговала тетка на Смоленскомъ рынкѣ. И пошла она носить ягоды по дачамъ, со всякою овощею, по сезону. А зимой — съ мороженой навагой, на салазкахъ, съ мерзлыми карасями, — стучать какъ камни! — съ бѣлозерскими снитками, съ селедкой переяславской, съ мочеными яблочками, съ клюквой. Пѣшая всегда, и въ дождь — и въ вѣдро, и въ метель, и по грязи. Ночами ходила за товаромъ, изъ садовъ прямо забирала, — днями напрашивалась по дачамъ, у заборовъ. Ее скоро признали, полюбили, — ярославку, „ягодную Машу“ — такъ и звали. Сколько соблазновъ было! „Прошла чистою ягодой, — не помялась, не подмокла!“ — шутиль, бывало, Василій Поликарпычъ. Кому и знать-то? Скажетъ, а Марья Тимофевна за-краснѣетъ. Смотрѣть пріятно. Стыдливая красота... — теперь не встрѣтишь, по опыту ужъ знаю. И сама, и товаръ — всегда на-совѣсть.

Скоро бокъ-о-бокъ съ нею стали встрѣчать парня-ярославца, съ лоткомъ, съ корзиной на

головѣ, съ телѣжкой, — веселаго, разбитнаго, умѣвшаго говорить подѣ пѣсни. Онѣ такѣ и сыпалъ: — „Ваше сіятельство, ваше степенство, ваша милость... сударыня-барышня... да вы глазками поглядите, зубками надкусите!..“ — прикидывая мѣтко, кому какѣ впору. Подѣ его пѣвучую игру торговца, за его свѣжестѣ и пригожестѣ, за бѣлые его зубы — смѣющимся горошкомѣ, — любили у него покупать дамы: онѣ приносилъ веселье. Сколько же онѣ зналъ всякихѣ приговорокѣ! — теперѣ забыто. Бывало, слышатѣ голосокѣ разливной: „ко-ренья... бобы-го-рошекѣ, молодой корто-фель... цвѣтна ко-пуста... редиска молодая... огурчики зелѣны!.. И въ каждомѣ звукѣ вы слышите и хрустѣ, и запахѣ, прямо, ну... вырѣзалъ словами! „Вася-пѣвунѣ ѣдетѣ!“ — улыбались, брали. — „Барышня-сударыня... огурчикѣ! извольте — надкусите... медѣ-сахарѣ! огурчики... всѣ какѣ омурчики... Дынька-сѣ? Барышня, прикажите... не потрафлю — накажите, оставляю безѣ денегѣ-сѣ... Живой сахарокѣ-сѣ, извольте кушать! Прикажете-сѣ? Сахарѣ къ сахару идетѣ-сѣ... ротикомѣ накусите, — царская-сѣ! самага дамскаго вкуса — аромата, нѣжна, пухла, какѣ вата... губки румянить, красота не вянетѣ! Прикажите!..“

И покупательницы смѣялись:

— „И хитрюга же ты, Василій!..“ Сразу видно, что ярославскій...

— „Далѣко, сразу не увидишь... изъ-подѣ Ростова, села Хвостова... Не я, барыня, — товарѣ мой хитрый. Не дохвалишь — въ канаву сваишь. Каждый день по четыре пуда на головѣ таскаю. Прикажите, сердце освѣжите... Парочку-сѣ или... тройку? Есть для васѣ одна канталупа!..“

Заглядывались на красавца-ярославца. Ему сватали огородникову дочку съ большимѣ приданымѣ, вдова одна съ капиталомѣ набивалася, но ярославецѣ намѣтилъ Машу. Повѣнчались и повели дѣло шире. Маша открыла палатку на Смоленскомѣ, Василій — на Болотѣ, оптомѣ. Подростали дѣти. Въ Охотномѣ была уже фруктово-колониальная торговля, на два раствора. Василій Поликарпычѣ приглядѣлъ по дешевой цѣнѣ, въ разсрочку запущенную усадьбу, съ фруктовымѣ садомѣ, завелъ грунтовые сараи — оранжереи — для деликатныхѣ фруктовѣ, заложилъ яблочныя сады, ягодное хозяйство — „манину забаву“, и отпустилъ Марью Тимофевну на вольный воздухѣ. Дочерей выдавали замужѣ, подрастали внуки. Въ Охотномѣ на фруктово-бакалейномѣ дѣлѣ осталася уже почтенный Поликарпѣ Васильичѣ, въ золотыхѣ очкахѣ, профессорскаго вида, уважаемый дѣятель фруктово-колониальной биржи, а Василій Поликарпычѣ, уже именитый, поставщикѣ Двора, Праги, Эрмитажа, Дюссо... и заграницы, къ Марѣ Тимофевнѣ перебрался, — „подѣ яблоньками соловьевѣ слушать!“

Ну вотѣ „соловьи“ и прилетѣли.

Метръ-дѣтели въ шикарныя ресторанахѣ предлагали въ разгарѣ морозовѣ: — „первая земляника, „Королева...“ персики, шпанская

вишня — „Щечка Лянператрисѣ...“ отѣ самага Печкина, отборныя-сѣ?..“

Золотыя гербы-медали стояли на оберткахѣ, выжигались на ящикахѣ, въ отправку. Оранжеями вѣдалъ „волшебникѣ-геній“, ярославецѣ, отѣ графа Воронцова, бывавшій на выставкахѣ въ Европѣ — „съ одной корзинкой“. Лежали его персики и сливы, и клубники — на русскихѣ кленовыхѣ листьяхѣ, на русскомѣ мхѣ, въ лубяныхѣ коробкахѣ, подѣ стеклянными колпаками мальцевскихѣ заводовѣ. Стоили эти выставки Василию Поликарпычу „за пять тысячѣ!“ — но... — „для чести-сѣ, для русской славы-сѣ!“ И все — выхожено ногами, вымѣшано по грязи, вымочено дождями, выкрикано осипшимѣ горломѣ, — долгими-долгими годами.

И вотѣ, я вѣзжалъ въ „манинское царство“, въ радостную когда-то „чашу“, въ царство веселыхѣ фруктовѣ, созданное трудами ярославцевѣ. И еще чѣмѣ-то... — любовью, честию, гордостью, сметкой, волей, — всѣмѣ повольемѣ, что изѣ дикаго поля — лѣса вывело въ люди Великую Россію.

Вѣзхалъ — и не узналъ и дома! Гдѣ порядокѣ? Зеленыя кадушки, усыпанныя краснымѣ пескомѣ дорожки, цвѣтникѣ, газоны, съ зеркальными шарами, птичники съ царственно-важеватой цесаркой, съ павлинами на полкахѣ, съ королевками? Гдѣ серебристыя, палевныя, золотистыя, трубчато-вѣрныя воркунии, турманки, шилохвостыя, монашки? Гдѣ пекинскія, съ шишками на носкахѣ, утки, гуси, несшіеся, бывало, на бѣлыхѣ крыльяхѣ въ аллеяхѣ, зарей ноябрьской, крѣпкой, вздымая красныя вороха морозныхѣ листьевѣ? оглушая желѣзнымѣ крикомѣ? Все слиняло, глазѣло дырой и грязью. Въ сосновомѣ домѣ, — свѣтло, просторно вывелъ его хозяинѣ, — въ бемскихѣ зеркальных окнахѣ, чтобы свѣтлѣе было, — торчала заплатами фанера, не смотрѣлись цвѣты въ вазонахѣ — гіацинты, глоксиньи, хризантемы, левкой, гортензии, гвоздики, — по сезону глядя. — Сидѣлъ за ними какой-то тупоглазый, „молдованѣ грузинскій“.

На вѣздѣ встрѣтилъ меня его помощникѣ, задерганный человекѣ, когда-то садоводѣ-любитель, похрамывающій капитанѣ въ отставкѣ, — зналъ я отѣ агронома — съ большой семьею.

— „Товарищѣ ветеринарѣ?“ — спросилъ онѣ меня, тревожно нащупывая глазами.

— „Онѣ самый. Чего вы тутѣ натворили съ жеребенкомѣ?“

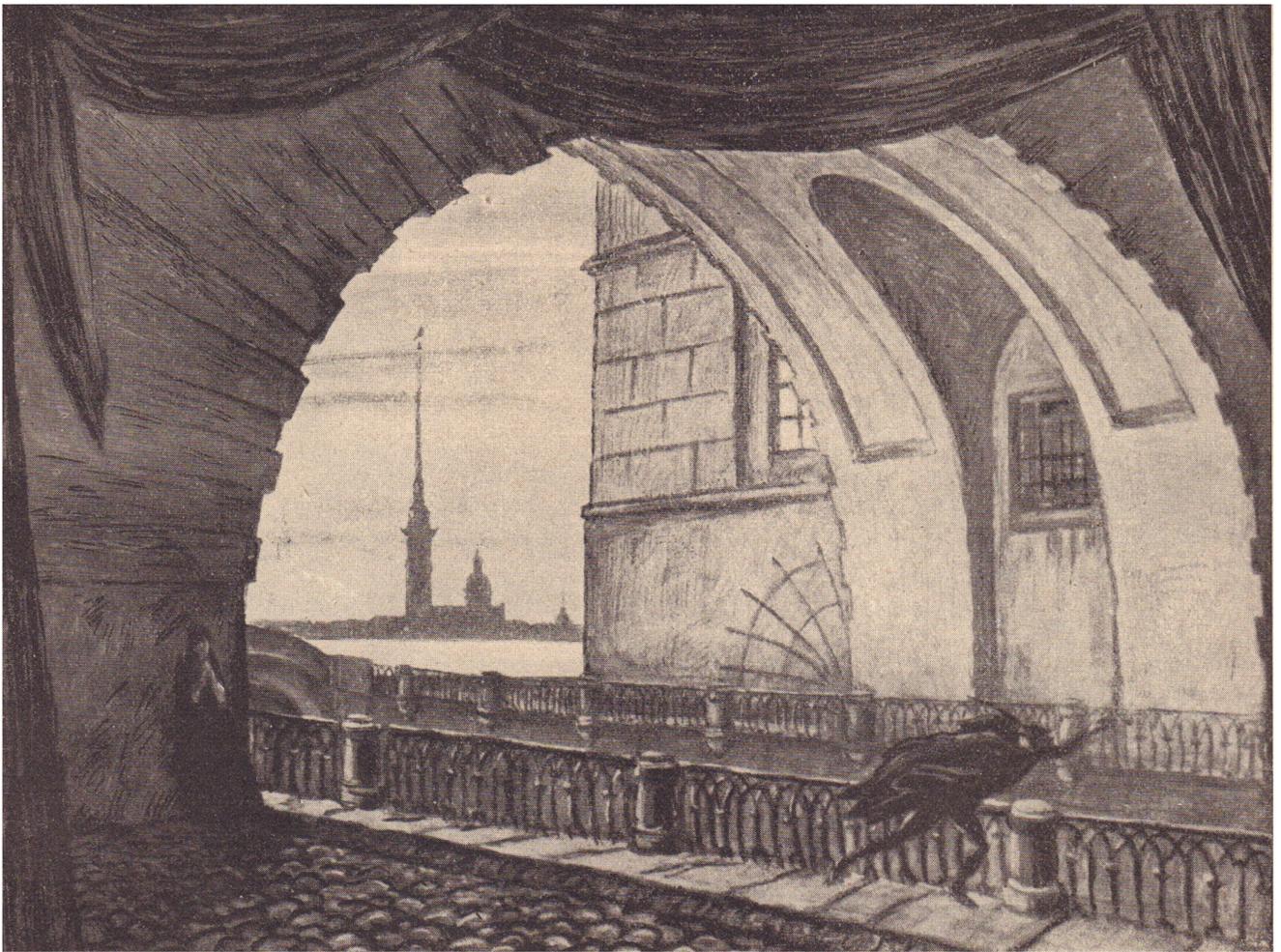
Онѣ уныло пожалъ плечами. Я намекнулъ, что положеніе мнѣ извѣстно, и онѣ поблагодарилъ меня унылымѣ взглядомѣ.

— „Пригласите завѣдующаго! — скомандовалъ я. — Я буду у жеребенка“.

Я приказалъ старику, чтобы ни одна душа не знала, что я знакомый, и чтобы не тревожилъ пока и Марью Тимофевну.

— „А тамѣ увидимѣ, смотря по ходу“.

Онѣ понялъ. За эти годы всѣ стали хитрецами, иные — подлецами. Что это за товарищѣ Ситикѣ? — вотѣ что нужно.

М. В. Добужинскій

„Канавка“

Я нашель сосунка на травяномъ загонѣ, у конюшенѣ. Онъ лежалъ, вытянувъ ножки стрѣлкой, голова за спинку: его уже сводило. У загона стояла матка, вытягивала шею, ржала.

Явился товарищъ Ситикъ, въ кожаной курткѣ, тяжеловѣсный, важный, но въ его маслянистыхъ глазахъ грузина — или молдована? — мелькало что-то, приглядывалось ко мнѣ, искало. Я показалъ ему „ударную“ бумагу, совсѣмъ небрежно, и сказалъ съ нажимомъ, какъ я умѣю съ ними:

— „А плохой вы коневодъ, товарищъ! Плоха ваша „Забота“, сильно потеряла формы... А мнѣ говорилъ... — и тутъ я загнулъ и мя! — что вы заявляли себя специалистомъ!.. Плохо, очень плохо“.

Ситикъ засуетился, сталъ объяснять, что помощники саботируютъ все дѣло, что онъ уже готовить рапортъ, что послали матку на работу, и вотъ — „Ильчикъ“...

— „Позуолте, товарищъ завѣдующій“... — раздался за моей спиной робкій голосъ, и я увидалъ тощаго, суетливаго вида, господина въ какой-то венгерской курткѣ. Это и былъ „помѣщикъ“. — Вы посави сами... у него „л“

не выходило, — затянулась уборка... и.. держимъ дармоѣдовъ... кричали про „Заботу“...

— „Прошу безъ замѣчаній!“ — крикнулъ на него Ситикъ. — Вы тамъ поговорите!“

„А, ты, молдованъ грузинскій!“ Ладно. Съ ними я умѣю обращаться, практиковалъ на фронтѣ.

— „Винные отвѣтятъ“ сказалъ я строго. — „Завѣдующій не конюхъ! Ну, посмотримъ, товарищъ, что готовите имперіалистамъ? А за саботажъ мы взыщемъ“.

Такъ и засіялъ мой Ситикъ:

— „Вы, товарищъ, партіецъ?“

Я его смѣрилъ, пристукнулъ взглядомъ:

— „Ну да?.. 902 года. А вы?..“

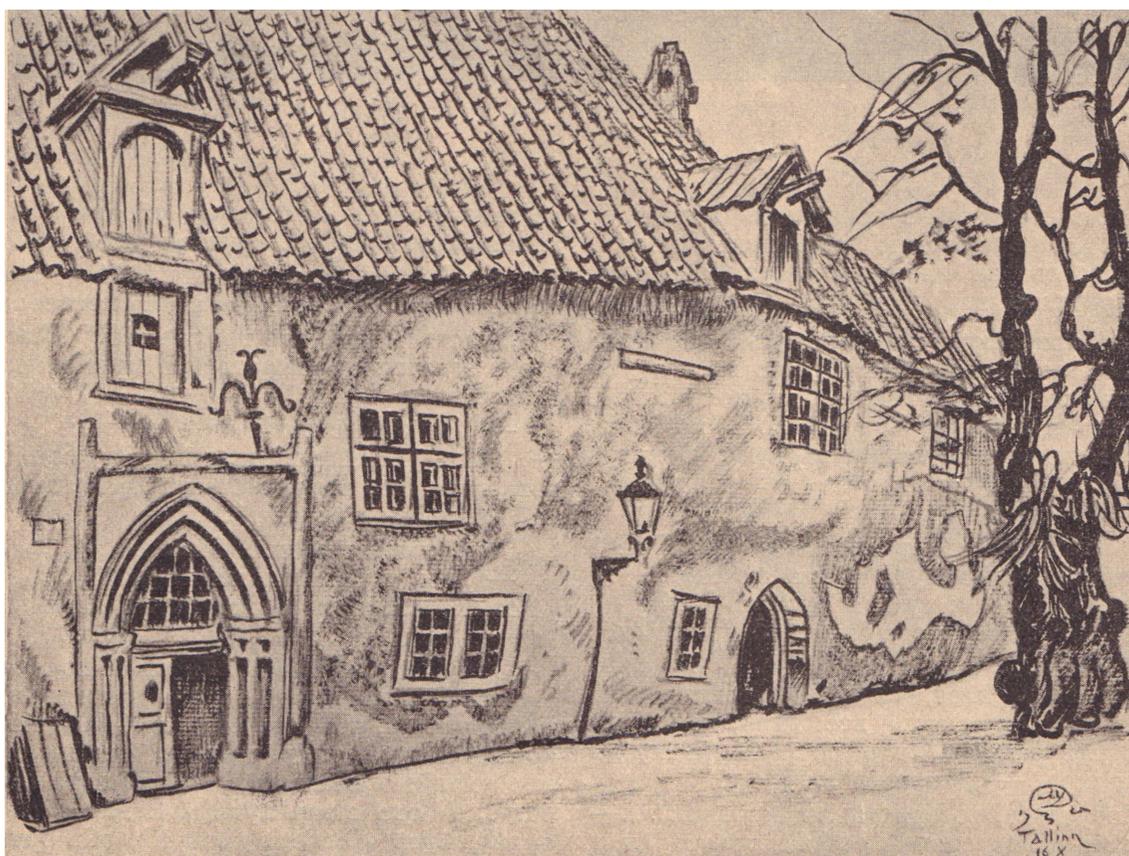
Онъ былъ — набѣглый, съ 18-го, только. Я еще шибанулъ парой такихъ махровыхъ, совнаркомскихъ, что онъ сварился. И я потащилъ арканомъ: о лошадиныхъ статьяхъ, о масти, объ уходѣ, о плановомъ хозяйствѣ, о культурахъ. А онъ сталъ путать. Я говорилъ о „Манинѣ“, какъ о своемъ карманѣ, объ оранжерейномъ дѣлѣ, о доходахъ, и онъ заходилъ за мною, какъ Мимишка. Я намекнулъ, что „Либкнехтовомъ“ интересуется „особа“, вынулъ

М. В. Добужинский „Нѣмецъ“ (Фея куколь)

М. В. Добужинский „Вѣрочка“ (Мѣсяць въ деревнѣ)

М. В. Добужинский

„Уголокъ Ревеля“

М. В. Добужинский

„Ревель. Лабораторная улица“

блок-нотъ и зачеркаль поспѣшно. Это его перекосило.

— „Да, товарищъ... все это очень жалко. Въ такомъ хозяйствѣ надо быть специалистомъ. Я только что говорилъ съ... — и я назвалъ „особу“, — на „Либкнехтово“ у насъ есть планчикъ... Ну-съ, пощупаемъ вашего больного“...

Ситнику я испортилъ „выѣздъ!“ Онъ смотрѣлъ на меня, какъ рыба.

Въ лошадакахъ я понимаю себѣ недурно. Этотъ былъ хорошихъ кровей, но плохъ скелетомъ. Кобыла носила его въ работѣ. Я шикнулъ мастерствомъ осмотра, прощупывалъ и слушалъ, опредѣлилъ температуру и дыханье, снялъ грязную повязку, прощупалъ зондомъ...

— „Вы... такъ лѣчили?!“ — крикнулъ я такъ, что шарахнулась кобыла. Вы не пролили даже... йодомъ?! Ясное зараженіе крови... И пневмонія! Двусторонній плевритъ... и вотъ — отеки. Исходъ летальный!..“

Болванъ не зналъ даже, что такое — „летальный“.

„Летальный?.. — повторилъ онъ, какъ пупсикъ.“

— „Полетить, голубчикъ!“ — и я свистнулъ.

— „Пристрѣлите, не стоить мучить. А теперь мы составимъ рапортъ. Чортъ знаетъ... сравнить нашу республику!..“

— „Что такое?..“

Но я натянулъ потуже:

— „Послать въ Европу, чтобы насъ подняли на смѣхъ? Мало, что на насъ вѣшаютъ всѣхъ собакъ... мало? Чтобы дураками еще считали? Если делегатскіе болваны не понимаютъ, это не значитъ, что никто тамъ не понимаетъ! За „орловца“ выдаемъ собачку?! На глазахъ всѣхъ имперіалистовъ! Здорово шикнули!.. А потрачено нами сколько! корму, силы, молока, отрубей, яицъ, ухода... когда каждая соринка — потъ рабочихъ! Ублюдокъ, искривленіе позвоночника, сращеніе грудной кости, расплющенная голень, коротконогость... — это рысакъ-орловецъ? Не срамитесь!“

Я его захлесталъ „словами“.

— „И вы завѣдуете совхозомъ? Простите... ваша профессія, товарищъ?..“ — и я стремительно вынулъ книжку.

— „Это не относится къ дѣлу“... — пробормоталъ онъ, изъ краснаго ставши бурымъ.

— „Хорошо. Отъ... политическаго отдѣла есть здѣсь кто-то... По моимъ справкамъ — долженъ быть на мѣстѣ?..“

Упало, какъ гробовая крышка. Побѣжали.

(Оконч. слѣд.)

Ив. Шмелевъ

М. В. Добужинский

„Каналь съ мостомъ (бѣлая ночь)“

В. НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ

ЗАУТРЕНЯ СЯТИТЕЛЕЙ

(Подъ Новый годъ)

Бѣлые отъ снѣжныхъ хлопьевъ идутъ вечерними просторными полями Никола Угодникъ, Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій.

Стелется поземка, звенитъ отъ мороза сугробное поле. Завиваетъ выюжина. Морозъ леденитъ одинокую снѣжную землю.

Никола Угодникъ въ старомъ овчинномъ тулупѣ, въ большихъ дырявыхъ валенкахъ. За плечами котомка, въ рукахъ посохъ.

Сергій Радонежскій въ монашеской ряскѣ. На головѣ скуфейка бѣлая отъ снѣга, на ногахъ лапти.

Серафимъ Саровскій въ бѣлой ватной свиткѣ, идетъ, сгорбившись, въ русскихъ сапогахъ, опираясь на палочку...

Развѣваются отъ вѣтра сѣдые бороды. Снѣгъ глаза слѣпитъ. Холодно святымъ старцамъ въ одинокой морозной тьмѣ.

— Ай, да морозъ, грѣховодникъ, ай, да шутникъ старый! — весело приговариваетъ Никола Угодникъ, — и чтобы согрѣться, бьетъ мужицкими рукавицами по заколодѣвшему отъ мороза полушубку, а самъ поспѣшаетъ рѣзвой стариковской походкой, только, знай, шуршатъ валенки. —

— Угодилъ намъ, старикамъ, морозецъ, нечего сказать... Такой неугомонный, утиши его, Господи, такой неугомонный! — Смѣется Серафимъ, и тоже бѣжитъ вприпрыжку, не отставая отъ рѣзваго Никола, гулко только стучать сапоги его по звонкой морозной дорожкѣ.

— Это что еще! — тихо улыбается Сергій, — а вотъ, въ лѣто 1347, вотъ морозно было. Ужаси...

— Выожить. Не заблудиться бы въ полѣ? — говоритъ Серафимъ.

— Не заблудимся, отцы! — бодро отвѣчаетъ Никола, — я всѣ дороги русскія знаю. Скоро дойдемъ до лѣса Китежскаго, а тамъ въ церковкѣ Господь сподобитъ и Заутреню отслужить. Подбавьте шагу, отцы!..

— Рѣзвый угодникъ! — тихо улыбаясь, говоритъ Сергій, придерживая его за рукавъ, — старательный! Самъ изъ чужихъ краевъ, а возлюбилъ землю русскую превыше всѣхъ. За что, Никола, полюбилъ народъ нашъ, грѣхами затемненный, ходишь по дорогамъ его скорбнымъ и молишься за него неустанно?

— За что полюбилъ? — отвѣчаетъ Никола, глядя въ очи Сергія. — Дитя она — Русь!.. Цвѣтъ тихій, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбитъ дитя, кто не умилился цвѣтикомъ? Русь — это кроткая дума Господня.

— Хорошо ты сказала, Никола про Русь, — тихо прошепталъ Серафимъ. — На колѣни, радости мои, стать хочется передъ нею и молиться, какъ честному образу!

— А какъ-же, отцы Святые, — робко спросилъ Сергій, — годы крови 1917, 1918 и 1919? Почто русской народъ кровью себя обагрилъ?

— Покается! — убѣжденно отвѣтилъ Никола Угодникъ.

— Спасется! — твердо сказала Серафимъ.

— Будемъ молиться! — прошепталъ Сергій.

Дошли до маленькой, покрытой снѣгомъ, лѣсной церковки.

Затешили передъ темными образами свѣчи, и стали служить заутреню.

За стѣнами церкви гудѣлъ снѣжный Китежскій лѣсъ. Пѣла выюга.

Молились святители русской земли въ заброшенной лѣсной церковкѣ о Руси — любви Спасовой, кроткой думѣ Господней.

А послѣ Заутрени вышли изъ церковки три заступника на паперть и благословили на всѣ четыре конца снѣжную землю, выюгу и ночь.

Эстонія. Нарва.

В. Никифоровъ-Волгинъ

МИЛОЕ ИМЯ — НАТАША

(Окончаніе)

Я курю французскую папиросу „Natacha“ съ картоннымъ мундштукомъ и думаю о томъ, что все это было ужасно давно, въ тѣхъ жизняхъ и тѣхъ измѣреніяхъ.

И еще о томъ, что цикль Наташъ не ограничивается рассказаннымъ. Была еще одна кандидатка на устроение семейнаго счастья бездѣтнаго и чадолюбиваго папы Миши...

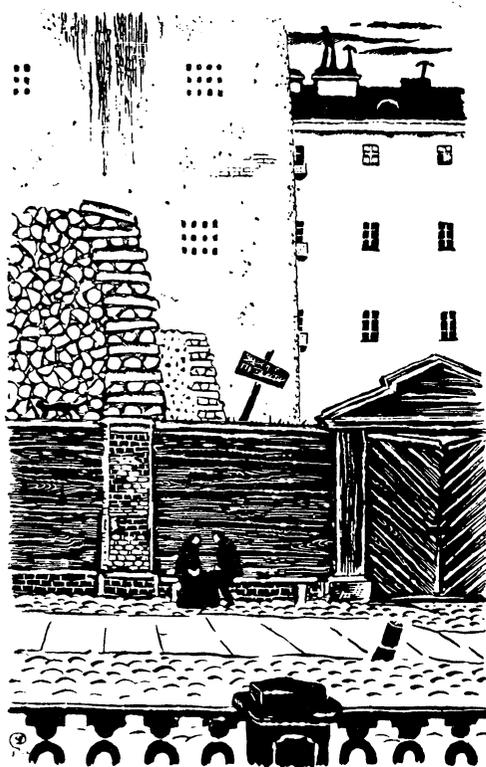
Счастье и несчастье пишушихъ въ томъ, что излишекъ своихъ переживаній они растворяютъ въ чернильницѣ и переносятъ перышкомъ на бумагу. Если аистъ отказывается принести мнѣ дочь, если поиски подъ листомъ лопуха были напрасны, — то вѣдь ничто не могло помѣшать воображенію!

И вотъ я сталъ отцомъ маленькой блѣлорой голубоглазой дѣвочки, рожденной въ бракѣ съ фантазіей. Это не была дочь по крови, — но дочь по духу, приемная, плодъ духовной любви. Я воспиталъ ее съ перваго мѣсяца ея жизни, и крошечное бытіе ея наполнило новымъ смысломъ личное мое существованіе.

Ея первые колеблющіеся шаги, ея первое слово, первая палочка, начертанная карандашомъ, — все это отмѣчалось и регистрировалось въ особомъ драгоценномъ „дневникѣ

Туки“, моего безцѣннаго сокровища. Я рассказывалъ ей, родившейся подъ итальянскимъ небомъ, про бѣлый снѣжокъ, про хвойный лѣсъ, про зайчика, у котораго всегда одно ухо поднято, про рѣчку съ водяными лиліями, ужасно похожими на фарфоровыя чашечки (только безъ ручки), про нашу страну, которую она когда нибудь увидитъ. Я отдалъ ей всю любовь безчаднаго отца и всю нѣжность, завѣщанную рано умершей ея матерью, никогда не бывшей моею женой, — лишь моею духовной подругой. И мы жили вдвоемъ, отдѣленные взаимной любовью отъ остальнаго міра, который служилъ только неизбѣжнымъ фономъ нашего быта, но по существу пока не былъ намъ нуженъ, былъ лишь привычнымъ, едва доносившимся шумомъ.

И вдругъ подкралось бессмысленное и страшное: моя Тука заболѣла. Дни и ночи я проводилъ у ея постели, борясь съ отвратительнымъ палачомъ, которому понадобилась зачѣмъ то жизнь еще не жившей крошки; и я отстоялъ ее... но не надолго. Переживъ кризисъ болѣзни, моя дѣвочка не нашла силъ вернуться въ міръ, который готовилъ ей столько радостей, — и бѣлый снѣжокъ, и рѣчку съ рыбками, и хвойный лѣсъ, и зайчика, у котораго

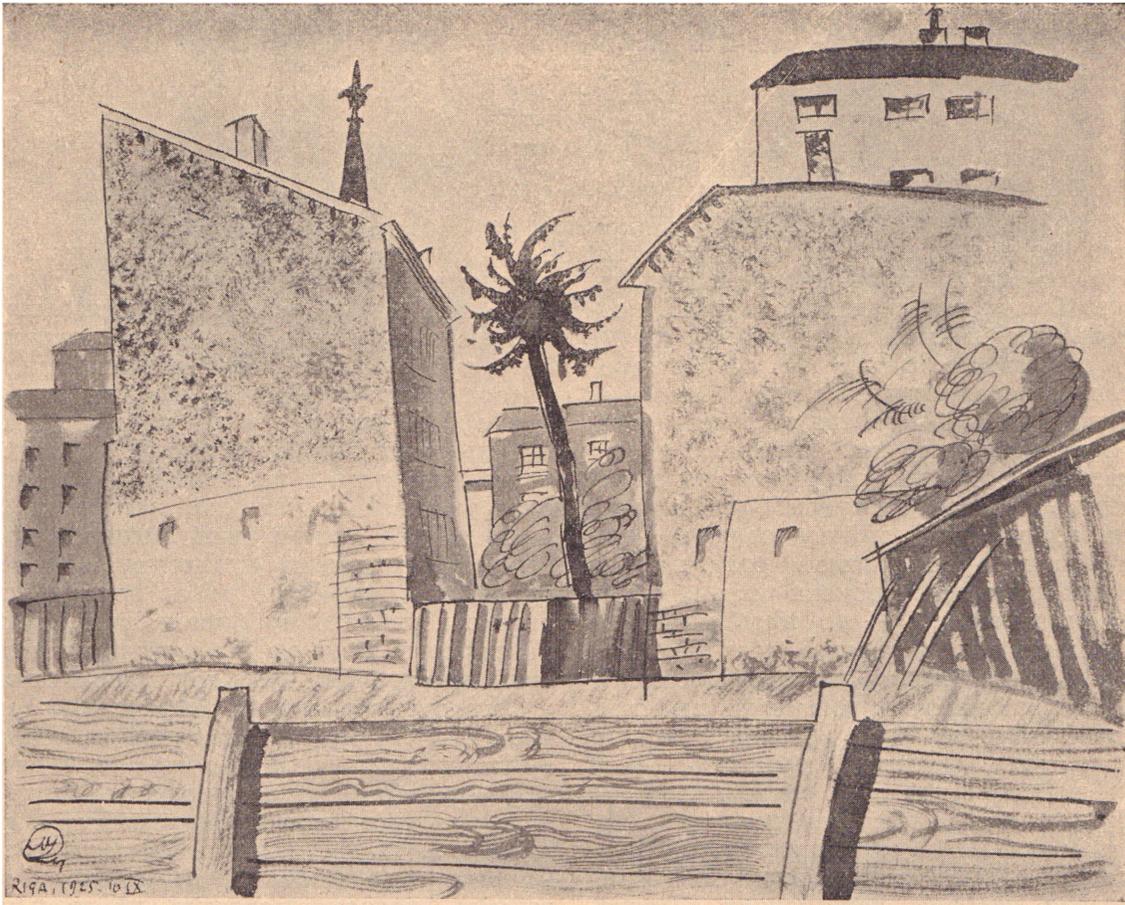
М. В. Добужинскій

„Бѣлыя ночи“

М. В. Добужинскій

„Ночной принцъ“ Ауслендера

М. В. Добужинскій

„Уголокъ Риги“ (Мельничная улица)

всегда поднято одно ухо. На берегу моря, куда я увезъ ее, къ ней вышла изъ воды и поманила ее такая же маленькая русалочка. И медленно, но безнадежно стала угасать моя единственная дочь — дочь моей фантази.

Былъ разсвѣтъ яснаго дня; изъ молочной морской дали подъѣхали бѣлыя сани, и бѣлые кони увезли мою дѣвочку, мою Наташу, изъ міра нашего — въ міръ иной, мнѣ еще недоступный. Случилось то, чему нѣтъ названія, въ чемъ не можетъ быть смысла, чего ни умъ, ни сердце пережить не въ силахъ. Привидѣлся страшный сонъ — и я не могъ проснуться.

Писатели — выдумщики; но каждому изъ нихъ хоть разъ въ жизни приходится съ полной силой пережить свою выдумку въ процессѣ творчества. Кажется это называется вдохновеніемъ. Я писалъ свою повѣсть два года и я по настоящему мучился, когда ея маленькая героиня заболѣла.

До самаго конца я не зналъ, смогу ли я вырвать ее изъ когтей смерти и послѣднія главы были для меня настоящимъ страданіемъ.

Вѣроятно такъ писать не слѣдуетъ, искусство требуетъ спокойствія духа и объективности. Теперь, много лѣтъ спустя, я самъ отлично вижу всѣ художественные минусы своего дѣтища. Тогда — я лишь ясно, до мелочей, до родинки, до розоваго ноготка видѣлъ свою

нерожденную и нежившую Наташу и любилъ ее не меньше, чѣмъ могъ бы любить живую во плоти.

И вотъ однажды, перечтя въ послѣдній разъ большую рукопись, названную „Моя дочь“, я отправилъ ее въ Россію, въ печать.

Мнѣ памятенъ этотъ день потому, что онъ поманилъ меня изумительной неожиданностью, однимъ изъ тѣхъ странныхъ совпаденій, какія не повторяются.

Было это въ Римѣ. Сдавъ на центральной почтѣ рукопись, я перешелъ черезъ улицу и зашелъ въ старое и знаменитое кафе Араньо, гдѣ ежедневно собиралась международная литературная братія. Тамъ я подсѣлъ къ одному столику, и мнѣ представили пріѣзжаго журналиста, болгарина, высокаго, серьезнаго, сдержаннаго человѣка. Мы обмѣнялись лишь нѣсколькими словами.

Когда онъ простился и ушелъ, одинъ пріятель мой сказалъ:

— Знаете, у этого болгарина есть дочурка, Наташа, бѣленькая-бѣленькая и такая милая. Онъ приводилъ ее къ моей дочери, — онъ играли вмѣстѣ. И говорятъ, что онъ бьетъ ее и, повидимому, хочетъ отъ нея избавиться, отдать кому-нибудь.

— Бьетъ родную дочь?

— Да. А дѣвочка — прелесть, и ласковая такая.

— А сколько лѣтъ?

— Лѣтъ пять, не больше.

Бѣлокурую дочь моей фантазіи звали Наташей; ей было пять лѣтъ, когда смерть похитила ее. Она была голубоглаза и ласкова. Но я былъ лучшимъ отцомъ...

На другой день въ томъ же кафе я встрѣтилъ болгарина. Онъ сидѣлъ одинъ. Я подсѣлъ къ нему и спросилъ:

— Вы привезли въ Римъ дочку? Я слышалъ, что она прелестный ребенокъ.

— Да, славная дѣвочка.

— Ее зовутъ Наташей?

— Да.

Я видѣлъ, что онъ не охотно поддерживаетъ разговоръ о дочери. Тогда я сказалъ ему прямо:

— Послушайте. Я — одинокій человекъ, достаточно зарабатываю, и я люблю дѣтей. Я слышалъ, что вы... вы можете не отвѣчать мнѣ... что вы, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, готовы отдать свою дочь на воспитаніе или совсѣмъ, что вамъ она чѣмъ то мѣшаетъ. Если это такъ, — я возьму ее.

Онъ просто отвѣтилъ.

— Да, это такъ.

— Но вы согласны были бы разстаться съ нею навсегда? Чтобы она забыла васъ и называла отцомъ другого? Подождите отвѣчать, дослушайте меня. Я уже сказалъ вамъ: я возьму вашу дочь, хотя не видалъ ее. Но вы отъ нея откажетесь совершенно и не увидите ее прежде, чѣмъ она станетъ взрослой. Я усыновлю ее, и мы оформимъ — насколько возможно — вашъ отказъ въ русскомъ посольствѣ и въ болгарскомъ. Я — политическій эмигрантъ, но все это берусь устроить.

Онъ немного подумалъ и сказалъ:

— Что-жъ, это приемлемо. Я не скрою отъ

васъ, да вы отъ кого то уже и слышали, что моя дочка мнѣ мѣшаетъ. Она родилась въ Петербургѣ, когда я былъ тамъ студентомъ. Мать ея русская. Связь наша была тайной, и о рожденіи ребенка удалось скрыть отъ родныхъ. Ребенокъ жилъ сначала въ пріютѣ, потомъ у одной хорошей женщины, а потомъ я ее взялъ, сравнительно недавно. Но дѣло въ томъ, что теперь я женился въ Болгаріи, а мать Наташи вышла въ Петербургѣ замужъ. Съ прошлымъ давно покончено.

По разнымъ причинамъ, — понятнымъ, впрочемъ, — я долженъ скрывать, что у меня есть дочь. И, конечно, она мнѣ мѣшаетъ.

— Значитъ вы согласны?

— Я сказалъ, что принципиально — да. Но здѣсь намъ неудобно говорить о деталяхъ. Позвольте мнѣ завтра прийти къ вамъ съ дѣвочкой. Вы ее увидите, и мы поговоримъ.

— Отлично. Приходите обѣдать.

На слѣдующій день, въ квартирѣ бѣднаго итальянскаго чиновника, гдѣ я занималъ три комнаты, было волненіе.

Толстый, пятидесятилѣтній, щетинистый, неопрятный, но нѣжный и заботливый, какъ нянька, мой незабвенный другъ и слуга Серафино волновался не меньше меня, узнавъ, что ко мнѣ придетъ маленькая гостья, которая, быть можетъ, станетъ моей пріемной дочерью. Вода для макаронъ кипѣла ключемъ, пыль была подметена даже подъ диванами. На письменномъ столѣ лежала, растопыривъ руки, румяная, большеглазая новая кукла съ радужнымъ бантомъ римскаго шелка. Въ столовой блестяли три прибора и красовались соломой двѣ фьяски: краснаго къянти и янтарнаго фраскати. На лѣстницѣ, за пріоткрытыми дверями, чутко дежурили сосѣдки, которымъ Серафино шепнула

М. В. Добужинскій

„Исаакіевскій Соборъ“

о грядущемъ событіи. Я пять лѣтъ жилъ въ этомъ огромномъ домѣ рабочаго квартала, окнами на площадь Рисорджименто и къ Вати-

кану, и всѣ сосѣди были моими добрыми друзьями.

Передъ полуднемъ я нервно ходилъ по кабинету, пробовалъ присѣсть на диванъ, снова вскакивалъ, поправлялъ книги на полкахъ, закрывалъ и открывалъ чернильницу, закуривалъ папиросу о папиросу. Серафино, въ передникъ, прикрывавшемъ его толстый животъ, заглядывалъ поминутно ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ и говорилъ: — *Vedrà! Ma stia tranquillo, che tutto va benone...*

И вотъ — звонокъ...

Я сажусь въ кресло у стола и стараюсь быть спокойнымъ.

Я слышу топотъ дѣтскихъ ножекъ... Затѣмъ въ дверяхъ — одна, опередивъ отца и Серафино, появилась дѣвочка, улыбнулась и прямо подбѣжала ко мнѣ.

Это была она, та, моя Наташа, героиня моей повѣсти. Не я одинъ узналъ ее: мы узнали другъ друга. Она подбѣжала, забралась ко мнѣ на колѣни, обвила мою шею рукой и сразу ухватила за куклу. А въ дверяхъ стоялъ высокий, серьезный, бородатый чело-вѣкъ и мой Серафино, глаза которого были влажны отъ умиленія.

Это была она, ошибиться было невозможно! Ея глаза, ея свѣтлые золотые волосы, ея свѣтлый золотой смѣхъ, ея теплота и прикосновение. Та дѣвочка Наташа, которую я самъ придумалъ для себя, которой рассказывалъ про елочку, про зайца и бѣлый снѣжокъ...

Она провела у меня часа два, и я не увиделъ ни одного незнакомаго мнѣ жеста. Мы улыбались другъ-другу, а чело-вѣкъ съ бородой былъ чужимъ и постороннимъ, случайнымъ свидѣтелемъ нашего счастья. Мнѣ показалось даже, что онъ смотритъ на насъ не то насмѣшливо, не то недружелюбно. Поговорить намъ съ нимъ не удалось, — я слишкомъ былъ занятъ Наташей, и при ней говорить было неудобно. Прощаясь, мы назначили встрѣчу на завтра въ кафе.

Наташа унесла большую куклу и на цѣлый день оставила намъ улыбку. По уходѣ ея, я пытался быть серьезнымъ, но углы рта прыгали. Серафино не видѣлъ надобности сдерживаться. Онъ болталъ безъ умолку, ахалъ, ссылался на восторженный отзывъ сосѣдокъ, въ особенности коротконогой соры Джулии, у которой дѣтей — хоть отбавляй и которая въ этомъ дѣлѣ понимаетъ, строилъ планы перестановки мебели и расхваливалъ магазинъ, гдѣ можно дешево купить самую лучшую дѣтскую кровать. Нянькой, повидимому, онъ хотѣлъ быть самъ.

Мой бѣдный Серафино, теперь уже давно покойный, мой лучший итальянскій другъ, искреннѣйшій и добрейшій!

Въ кафе я пришелъ задолго до назначеннаго часа встрѣчи. Подсѣлъ къ столику стараго пріятеля - итальянца, директора публичной библиотеки, руссофила и знатока русскаго языка. Ни о чемъ постороннемъ моей радости я говорить не могъ, и не могъ не повѣдать другу объ изумительномъ событіи моей жизни.

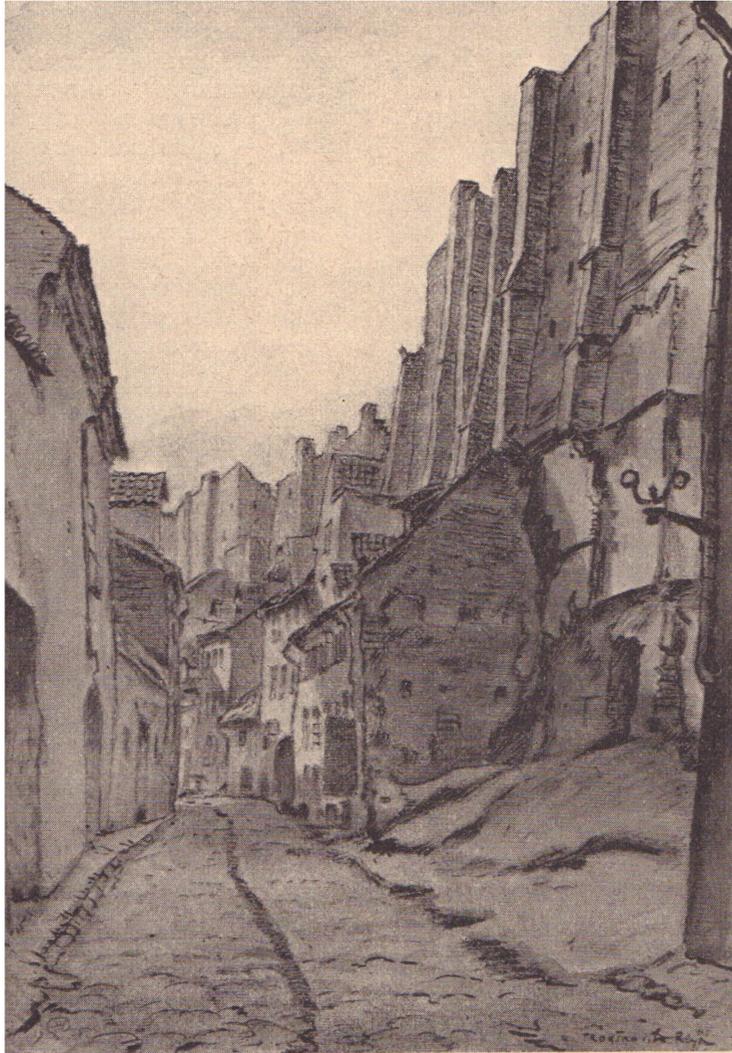
Онъ переспросилъ:

— Кто отецъ? Болгаринъ? А фамилія какъ? Я назвалъ.

— Послушай, — сказалъ онъ, — я, собственно, не имѣю права говорить тебѣ, но я не хочу, чтобы съ тобой вышла непріятность, и крупная. Пусть то, что я расскажу, останется между нами. Этотъ болгаринъ скоро будетъ арестованъ.

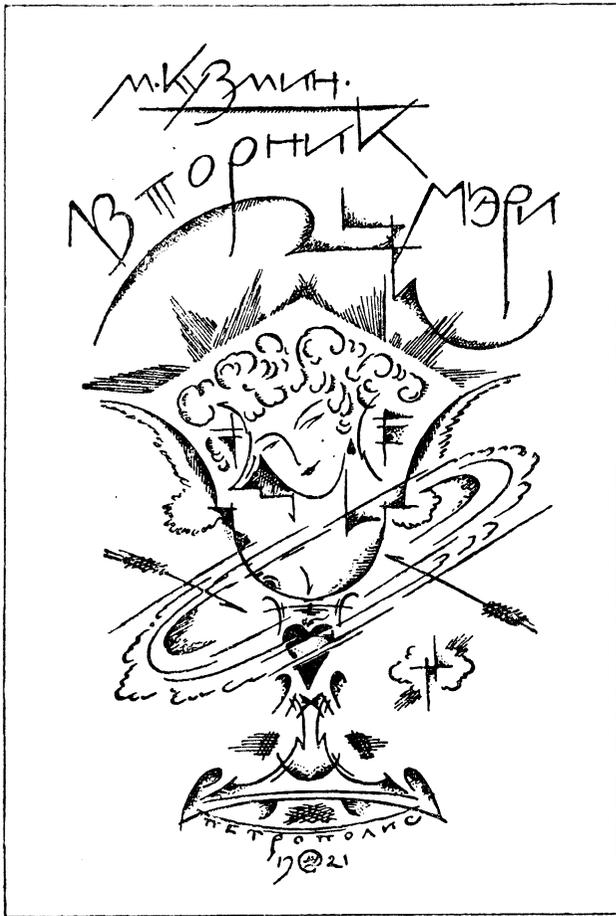
И онъ рассказалъ:

— Мнѣ приходится иногда, какъ знающему русскій языкъ, дѣлать переводы для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. И вотъ я только что переводилъ документы, приложенные къ секретной бумагѣ отъ русскаго правительства, переданной изъ вашего посольства. А бумага эта — просьба о немедленномъ арестѣ болгарскаго журналиста П. за шантажъ.

М. В. Добужинскій

„Рига. Шумная улица“

М. В. Добужинский

Рис. обложки

М. В. Добужинский

„Гримасы города“

Онъ привезъ съ собой въ Римъ дѣвочку, свою дочь отъ связи съ одной петербургской дѣвушкой, аристократкой, которая недавно вышла замужъ, скрывъ отъ жениха свое прошлое. Теперь этотъ болгаринъ шантажируетъ ее, выманивая деньги и угрожая донести на нее мужу. Онъ уже давно ее шантажируетъ, и довелъ до того, что она рѣшилась сама мужу своему во всемъ покаяться. Тотъ, очевидно, добрый и порядочный человекъ, а такъ какъ дѣтей у нихъ до сихъ поръ нѣтъ, то они и рѣшили взять эту дѣвочку, ея дочь. А чтобы обезоружить отца-шантажиста, они предъявили его письма и телеграммы и добились вмѣшательства русскаго суда. Теперь русское посольство потребовало его ареста, и онъ, какъ я уже сказалъ, будетъ на дняхъ арестованъ. Это, конечно, тайна, и ты общаешь мнѣ никому не говорить ни слова.

Я общалъ — я былъ ошеломленъ и подавленъ.

Хранить тайну мнѣ пришлось недолго. Едва мой пріятель ушелъ, какъ съ телеграфа пришли журналисты, и первое, что я отъ нихъ услышалъ, было новость:

— Знаете, сейчасъ арестовали на телеграфѣ болгарина, того, бородатаго, съ которымъ мы здѣсь сидѣли. Онъ отправлялъ телеграмму въ

Петербургъ, и его взяли прямо у телеграфнаго окошечка.

Я спросилъ только одно:

— А дочка его, Наташа?

— А дочка, вѣроятно, дома или у кого нибудь у знакомыхъ. Вотъ бѣдный ребенокъ!

Былъ уже вечеръ. На утро я первымъ посетителемъ явился въ русское консульство. Хотя я былъ эмигрантомъ, но, какъ корреспондентъ большой газеты, всѣхъ дипломатовъ, конечно, зналъ, какъ знали и они меня. Консулъ былъ немного удивленъ, увидавъ меня въ пріемной, и еще больше удивился, когда я заявилъ ему:

— Вчера въ Римѣ былъ арестованъ болгарскій журналистъ П., по требованію посольства; вамъ объ этомъ, конечно, извѣстно. Я этого П. не знаю совершенно, видѣлъ его два раза, и судьба его меня нисколько не интересуетъ. Меня интересуетъ только его дочь, пятилѣтняя дѣвочка. Гдѣ она?

Консулъ помолчалъ, потомъ неохотно сказалъ:

— Все это, вѣдь, не изъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ можно освѣдомляться въ консульствѣ. И вообще...

Я продолжалъ взволнованно:

— Я видѣлъ дѣвочку, правда только разъ.

Я ее полюбил. Я бездѣтень и достаточно обеспеченъ. Что будетъ съ отцомъ, мнѣ, повторяю, неинтересно. Но вѣдь дѣвочка осталась одна, безъ призору, о ней нужно позаботиться. Позвольте же заявить вамъ, что я готовъ сейчасъ же взять ее. Если окажется возможнымъ — я усыновлю ее. Если нельзя — я могъ бы пока пріютить ее у себя, окружить заботой, найти ей няню, замѣнить отца, все сдѣлать.

Консулъ улыбнулся:

— Я васъ понимаю, но... у дѣвочки уже есть опекунъ, онъ здѣсь; это онъ и привезъ бумаги. Ее возьметъ къ себѣ ея мать, въ Петербургъ.

Мою дочь отнимали у меня.

— Но могу ли я... ну... хоть помочь ей чѣмънибудь, хоть увидеть ее, пока она еще въ Римѣ... Я къ ней такъ привязался...

— Увидать? Не думаю...

— Или хоть... послушайте... могу я хотя бы... ну хоть послать ей игрушку, я сейчасъ куплю... можетъ быть куклу ей послать...

Консулъ посмотрѣлъ на часы:

— Мнѣ очень жаль, — сказала онъ, — и я понимаю васъ. Дѣйствительно — прелестная дѣвочка, я ее мелкомъ видѣлъ. Но такая неудача... врядъ ли удастся... да, какъ разъ сейчасъ уходитъ поѣздъ. Опекунъ съ дѣвочкой сейчасъ уѣзжаютъ, вы уже не успѣете... Дѣло такое деликатное, и онъ очень спѣшилъ... мнѣ весьма жаль...

Я повернулся и вышелъ. Моя дочь, моя маленькая живая, настоящая Наташа была для меня потеряна — безвозвратно.

Вечеромъ я лежалъ на диванѣ. Серафино устроился рядомъ на стулѣ и мрачно сопѣлъ своей ужасной трубкой.

E una vera disgrazia! Eh, già... povero sor Michele...

Я молчалъ упорно, а онъ бормоталъ, качая головой:

Ma guarda un po' che boiaccia sto bulgaro... una ragazzina così bella... Madonna Santa!... povero cocco mio, sor Michele...

И гладилъ меня по щекамъ тяжелой, потной и ласковой рукой.

Изъ голубой коробочки, на которой художникъ пытался изобразить русскую зиму, я вынимаю послѣднюю папиросу съ картоннымъ мундштуком. Табакъ отвратительный, но папироса называется „НАТАСНА“... Дирекція государственныхъ табачныхъ фабрикъ положительно любезна. Мерси!..

Любопытно, кстати, что та дѣвочка, о которой я сейчасъ рассказалъ, теперь должна уже быть взрослой... лѣтъ семнадцати. Несомнѣнно, я бы не узналъ ея; еще несомнѣннѣе, что въ памяти ея не осталось и слѣда о высокомъ домѣ въ Римѣ, гдѣ уже было выбрано мѣсто для дѣтской кровати, и гдѣ, въ день ея отъѣзда, два одинокихъ человѣка вызывали ея образъ въ клубахъ табачнаго дыма.

Такъ вотъ... я хочу рассказать еще одинъ странный случай, какую то отдаленную связь имѣющей съ предыдущими.

Это было въ Москвѣ, въ годы военного коммунизма и сыпного тифа. Я стоялъ за прилавкомъ въ писательской книжной лавочкѣ въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

Было много покупателей, и руки устали шелестѣть оберточной бумагой и закрѣплять узломъ веревочку. Къ прилавку подошла очень молодая дѣвушка, съ лицомъ некрасивымъ, но открытымъ и очень пріятнымъ.

— Могу я съ вами поговорить?

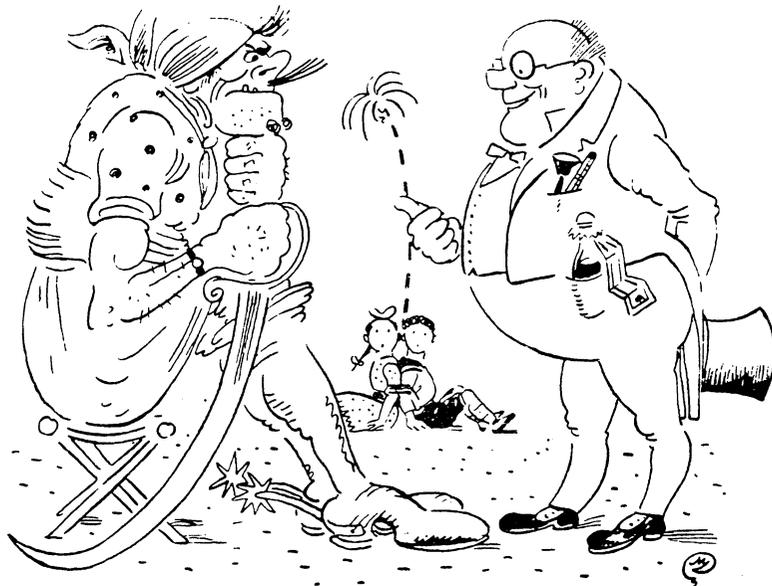
— Пожалуйста.

— Но не здѣсь... Мнѣ нужно...

— Тогда обождите минуту, я освобожусь.

Въ верхнемъ этажѣ былъ у насъ складъ и скромная пріемная. Мы прошли туда.

— Ну вотъ, садитесь. Чѣмъ могу вамъ служить?

М. В. Добужинскій

„Докторъ Ай-Болитъ у Бармалея“

Она, не опуская глазъ, только покраснѣвъ, съ почти дѣловымъ видомъ сказала:

— Я хотѣла бы имѣть отъ васъ ребенка.

Удивленіе мое легко представить, — хотя мы, въ тогдашней Россіи, привыкли не удивляться ничему. Она быстро продолжала:

— Вы не думайте только, что я... Вы не удивляйтесь, что я такъ просто говорю. Я дѣвушка, но это ничего не значитъ, т. е. напротивъ...

— Постойте, сколько вамъ лѣтъ? Вы хорошо понимаете, что говорите?

— Мнѣ восемнадцать. Конечно я понимаю, отлично понимаю.

— Но почему... отъ меня? Откуда вы меня знаете?

— Я васъ видѣла нѣсколько разъ, и я уже была у васъ въ лавкѣ со знакомымъ. И я читала вашу повѣсть „Моя дочь“. И вотъ тогда я рѣшила, что я хочу, чтобы у васъ была настоящая дочь...

Я разсмѣялся:

— Слушайте, вы невозможное дитя! Что вы говорите! Бросьте скорѣе думать объ этомъ!

— Почему, развѣ я васъ обидѣла?

Да нѣтъ же, я вамъ благодаренъ за... за милое отношеніе и за... ну, за то, что вы такая удивительная, но я же не могу съ вами объ этомъ говорить. Господи, ну можно-ли быть такимъ ребенкомъ!

— Я вовсе не ребенокъ, и все отлично понимаю...

— Простите, какъ васъ зовутъ?

— Меня? Меня зовутъ Наташа. Но можно и ее назвать также...

— Ну, вставайте, Наташа, пойдѣмъ внизъ. Вы совсѣмъ смѣшная дѣвочка. Пойдемте... Она послушно вышла. Провожая ее, я старался шутить, но со всей осторожностью, чтобы не обидѣть странной дѣвушки. Говорилъ о постороннемъ, разспрашивалъ ее объ ея знакомомъ, котораго — какъ оказалось —

давно зналъ, какъ нашего постоянного кліента. Въ лавкѣ она разсѣянно посмотрѣла книжки и ушла. Прощаясь, тихо и смущенно сказала мнѣ:

— Только я совсѣмъ не дѣвочка и отлично понимаю...

Прошло недѣли три. Нѣсколько разъ въ лавку заходилъ знакомый дѣвушки, такъ меня поразившей, но сама она не заходила. Однажды я спросилъ его, какъ поживаетъ его спутница, съ которой онъ былъ у насъ однажды.

Кратко описалъ ее — и онъ сразу вспомнилъ:

— А, Наташа! Она очень милая дѣвушка, и не глупая. Я знаю ея семью и ее знаю съ малыхъ лѣтъ. Немножко мечтательница. А она, знаете, больна, и очень тяжело.

— Что съ ней?

— Да повидимому сыпнякъ: страшный жаръ. Такая жалость!

Еще черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтилъ меня на улицѣ и остановилъ:

— А знаете, та дѣвушка, о которой вы спрашивали, Наташа...

— Да? Ну какъ ея здоровье?

— Она умерла вчера. Такое горе, такое горе! Восемнадцать лѣтъ. Что же это такое дѣлается!

Мы помолчали. Потомъ пожали другъ-другу руку и разошлись. Смерть была кругомъ, и къ такимъ вѣстямъ привыкло ухо. Страшная случайность подстерегала каждого и на каждомъ шагу: тифъ, разстрѣлъ — не все ли равно... Жизнь полна случайностей...

И странныхъ.

—

Да и чѣмъ, какъ не случайностью, объясняется, что дирекція государственныхъ фабрикъ Франціи, въ стремленіи пойти навстрѣчу русскимъ потребителямъ, выбрала для папиросъ съ картоннымъ мунштукомъ именно это, ничего не говорящее уху француза, но такъ много говорящее моему уху —

— милое имя — Наташа!

Мих. Осоргинъ

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

Ю Л И - Ю Л И

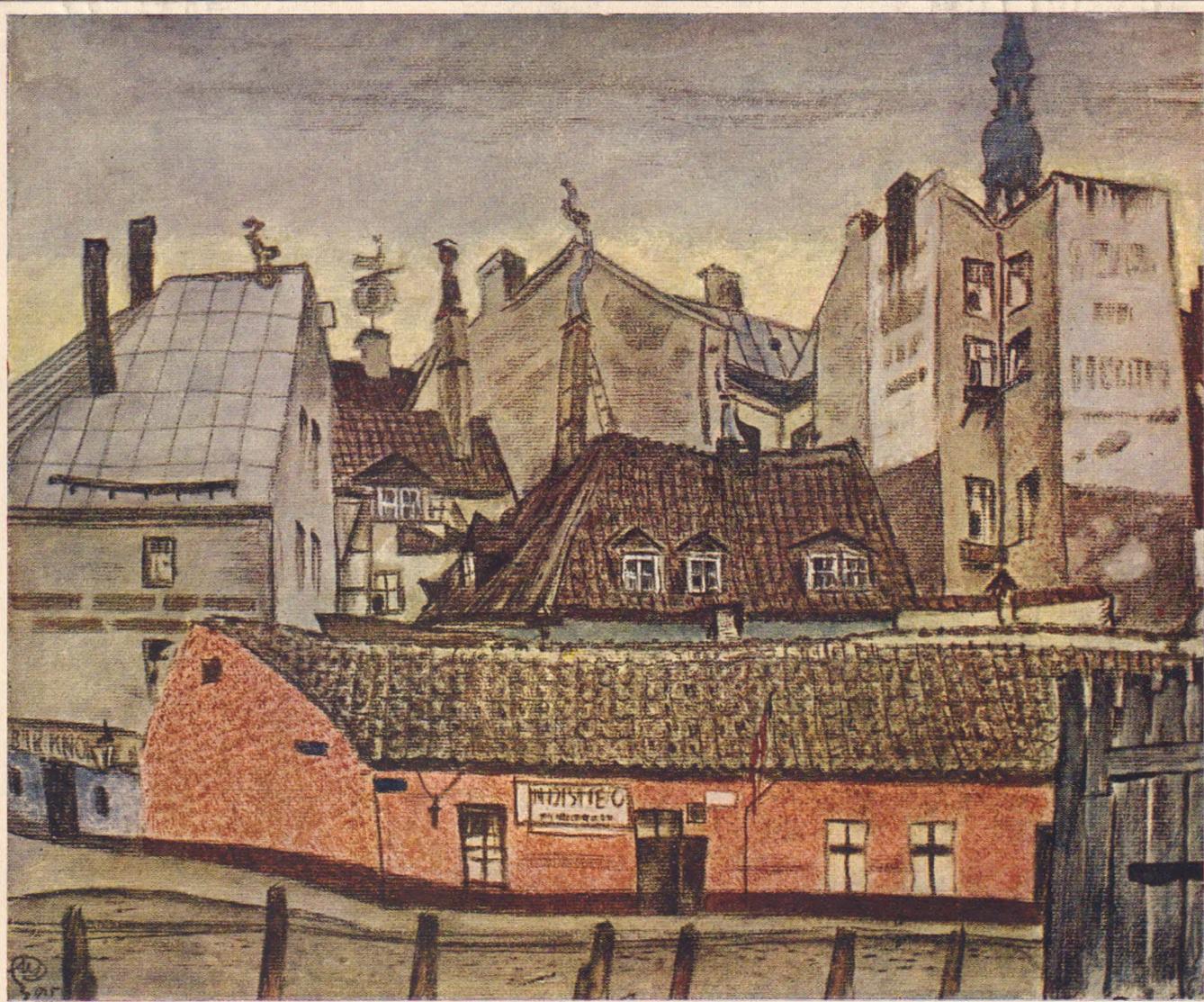
Тропическія рифмы.

Ты помнишь ласковость залива,
Жемчужно-пепельныя волны,
Лучи, дрожавшіе какъ струнки,
А въ небѣ плыли корабли —
И такъ забавно, такъ лѣниво,
Раздумья медленнаго полный,
Звучалъ лукавый бѣгъ шампунки
И стукъ весла — юли-юли.

Апрѣльскій полдень ткалъ узоры,
Синѣли радужныя дали,
Верхушки горъ, подъ небосклономъ,
Убрались въ чепчикъ кружевной —
А мы, вонзивъ другъ въ друга взоры,
Такъ безпричинно хохотали,
Какъ только можно двумъ влюбленнымъ,
Волшебно-юнымъ и весной.

Мы шли назадъ, когда стемнѣло,
Когда легли ночныя тѣни,
Когда небесныя лампы
И маяки зажглись вдали —
И что-то звало, что-то пѣло
Въ моей груди, какъ ядъ цвѣтеній,
Какъ звукъ весенней серенады,
Какъ вздохъ весла — юли-юли.

Юрій Галичъ

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

„РИГА. УГОЛОКЪ НАБЕРЕЖНОЙ“

ПО БЪЛУ СВѢТУ

ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ

Костюмы гуцуловъ (село Ясины)

Отдѣльнымъ клочкомъ древне русской земли вѣзались эти отроги лѣсистыхъ Карпатъ въ молодое славянское государство.

Населеніе ихъ — искони русское, сохранившее не смотря на вѣковое мадыарское вліяніе всѣ особенности своего національнаго быта (религію, обряды, языкъ, одежду) — сейчасъ стало центромъ особаго вниманія не только со стороны правительства Чехословацкой республики, но и русской эмиграціи.

Наличіе большого числа русскихъ культурныхъ силъ въ Чехословакии и большой интересъ у мѣстнаго населенія (гуцуловъ) къ русской культурѣ приводитъ къ взаимному ознакомленію и сближенію съ этимъ интереснымъ краемъ, результатами котораго уже явился рядъ специальныхъ работъ, посвященныхъ Прикарпатской Руси.

По Версальскому трактату впредъ до окончательнаго установленія границъ на Востокъ Европы Прикарпатская Русь была включена въ составъ Чехословацкой Республики и въ качествѣ автономной ея части должна была получить самоупра-

Уличная сценка въ Густѣ

Православная церковь въ Ясинѣ

вліеніе. Однако послѣдующими рѣшеніями конференціи пословъ представители мѣстнаго населенія на общемъ основаніи были включены въ составъ Парламента Республики и въ 1924 г. въ стѣнахъ Чешскаго парламента была произнесена первая рѣчь на русскомъ языкѣ русскаго депутата. Несмотря на сильное стремленіе украинской эмиграціи украинизировать край — населеніе его считаетъ себя русскимъ и говоритъ на нарѣччіи очень близкимъ къ великорусскому; на этомъ же нарѣччіи издается рядъ газетъ, вполне понятныхъ и русскому читателю. Въ религиозномъ отношеніи гуцулы примыкаютъ къ православной церкви; очень распространено вліяніе униатовъ, въ рукахъ которыхъ находится и много правосл. храмовъ.

Приводимыя фотографіи изображаютъ національную одежду женщинъ и мужчинъ въ одномъ изъ селеній, народный праздникъ въ Густѣ (городокъ въ Карпатахъ) и сельскую православную церковь, такъ напоминающую деревянную постройку нашего сѣвера.

ЛАТВІЯ

РИЖСКИЙ СОБОРЪ ВЪ ДНИ ОККУПАЦІИ

Въ редакцію „Перезвоновъ“ доставленъ рѣдкій снимокъ внутренности рижскаго православнаго Собора въ періодъ оккупации Риги нѣмецкой арміей.

Православный Соборъ отведенъ былъ нѣмецкимъ командованиемъ подъ гарнизонную церковь, клиросы, иконостасы и иконы были удалены изъ храма, и въ храмѣ рядами поставлены были скамейки.

Этотъ необычайный для православнаго глаза видъ храма и запечатлѣнъ на помѣщенномъ ниже снимкѣ.

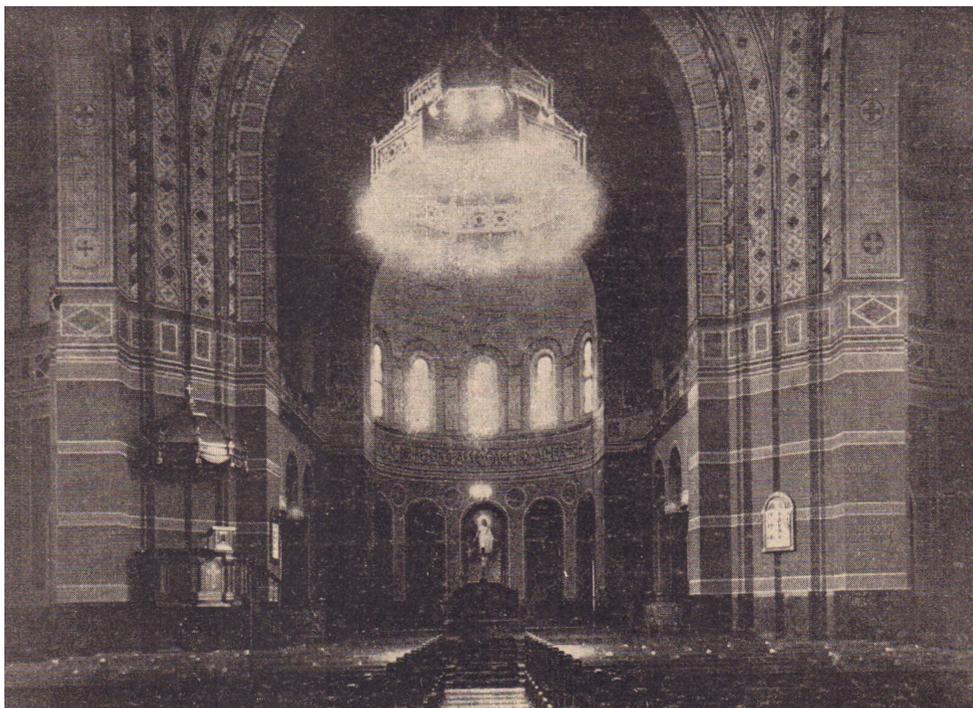
Какъ извѣстно, возстановить въ прежнемъ видѣ Соборъ не удалось до сего времени — въ

частности не могли быть возстановлены иконостасы: прежніе иконостасы поставлены лишь въ придѣлахъ храма, передъ главнымъ - же алтаремъ поставленъ древній иконостасъ изъ Алексѣвскаго монастыря, отобраннаго у православной церкви и переданнаго католикамъ...

Иконостасъ Алексѣвскаго монастыря, очень величествененъ и трогаетъ тѣмъ духомъ древности, которыми вѣетъ и отъ конструкцій его и отъ живописи, но по стилю онъ не вполне подходитъ къ Собору и сливается съ храмомъ въ единое цѣлое.

Рижский Кафедральный Соборъ

Внутрен. видъ Рижскаго Кафедр. Собора въ періодъ нѣмецкой оккупации

РУССКАЯ КНИГА

Э. ГОЛЛЕРБАХЪ. „Рисунки М. Добужинскаго“. Петроградъ. 1923.

Книга посвящена только рисункамъ художника. Она совершенно не затрагиваетъ работъ его въ области театра, оно не обнимаетъ даже всей графики М. Добужинскаго. Содержание ея отдано, главнымъ образомъ, небольшимъ графическимъ произведеніямъ, рисункамъ карандашомъ и т. д.

Въ книгѣ мы находимъ любопытныя біографическія данныя о М. Добужинскомъ, говорящіе о рано проснувшемся въ немъ влеченіи къ графикѣ, о культурной обстановкѣ семьи, гдѣ росъ будущій художникъ, о первыхъ шагахъ и достиженіяхъ его на тернистомъ пути искусства.

Переходя къ творчеству М. Добужинскаго, Э. Голлербахъ ставитъ своей задачею выяснитъ психологическія основы этого творчества и затѣмъ изслѣдовать его произведенія. Въ извѣстной степени ему удается разрѣшить поставленную задачу. Дѣло въ томъ, что авторъ книги недостаточно выяснилъ всю современность М. Добужинскаго, какъ художника, отвѣчающаго нашимъ днямъ. Что касается самихъ произведеній художника, то въ названной книгѣ мы находимъ вполне удовлетворительный подходъ къ техникѣ ихъ и краткую исторію развитія послѣдней.

Къ труду Голлербаха приложенъ списокъ работъ М. Добужинскаго и перечень литературы о немъ. Книга снабжена довольномъ количествомъ репродукцій съ рисунковъ художника.

Н. М.

Ю. ОФРОСИМОВЪ. „Театръ. Фельетоны“. Книгоиздательство „Волга“. Берлинъ 1926 годъ.

Книга Ю. Офросимова — рядъ фельетоновъ, написанныхъ имъ въ разное время. Но эти фельетоны — своеобразная лѣтопись театральнаго жизни, главнымъ образомъ, русскаго театра, какъ гастролирующаго по Германіи, такъ и пытающагося тамъ обосноваться. Не особенно веселая лѣтопись. Русскому театру, какъ и большинству русской эмиграціи, выпала незавидная участь.

Интересна глава „За русскими душами“, гдѣ авторъ говоритъ, что, наряду съ рѣзкимъ отрицаніемъ русскаго искусства, непониманіемъ его, полнымъ незнаніемъ, въ современной Германіи замѣчается большой интересъ къ русскому театру, къ русской драматургіи. Такъ, онъ описы-

ваетъ недурную своеобразную постановку „Ревизора“ въ „Deutsches Theater“ подъ режиссерствомъ Мартина Керба, который „подошелъ къ гениальной пьесѣ Гоголя, какъ къ произведенію общечеловѣческому, отбросивъ и даже не пытаясь дать то сценическое „наше“, что такъ часто составляетъ обычный камень преткновенія... Эта освобожденная отъ всего временнаго надбытовая трактовка „Ревизора“ оказалась убѣдительною, сильной и для русскихъ“.

Любопытна глава „Русскій Романтическій Театръ“, которое первое время, благодаря тщательнымъ постановкамъ, участіемъ хорошихъ артистическихъ силъ, привлекъ къ себѣ вниманіе и нѣмецкой публики, но затѣмъ заглохъ, въ чемъ повинны были и сами работники театра. Интересна и глава „Сумерки Европы“, потерявшей свой ритмъ и наслаждающейся ритмомъ негритянскаго „джазъ-банда“.

Тонкій наблюдатель, умный человѣкъ, обладатель легкаго пера чувствуетъ на каждой страницѣ кн. „Театръ“.

Н. М.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

„Современныя Записки“, кн. XXVI Парижъ 1925 г.

„Воля Россіи“, кн. XI (декабрь) Прага 1925.

Марія Кожемякина. Земное томленіе. Софія 1926.

Дѣти эмиграціи. Сборникъ статей подъ ред. проф. В. В. Зѣньковскаго. Прага 1925.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. Романовскаго

РИГА, Вальдемара 17, тел. 46-70.

Книги по всѣмъ отраслямъ знаній.

Регулярное поступленіе всѣхъ новинокъ. Большой выборъ книгъ довоенныхъ изданій.

При магазинѣ постоянная выставка картинъ.

Объявлена подписка на „Перезвоны“ на 1926 годъ

На 3 мѣсяца (13 номеровъ)	{ въ Латвіи — 10 лат. „ Эстоніи — 850 эст. мар. „ Литвѣ — 25 литовь { за границей — 2 ам. дол. 50 цент.	На 1 мѣсяць (4 номера)	{ въ Латвіи — 3 лата 20 сент. „ Эстоніи — 260 эст. мар. „ Литвѣ — 7½ лита { за границей — 75 ам. центовъ.
------------------------------	--	---------------------------	--

Въ отдѣльной продажѣ съ 1926 г. — 40 руб., за границей — 20 ам. центовъ за номеръ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Перезвоны“ — Рига, Б Кузнечная 43. Подписная плата въ Латвіи, Эстоніи, Литвѣ и во всѣхъ странахъ можетъ вноситься во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почтов. текущій счетъ — Post tchek conto Riga № 877.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ

ДѢТСКАЯ ПѢСЕНКА

(Съ англійскаго)

Если бѣ было намъ дано
Всѣ моря вмѣстить въ одно —

Вотъ бы вышелъ океанъ,
Вотъ бы всталъ надъ нимъ туманъ!

Если бѣ разомъ волшебство
Превратило въ одного

Всѣхъ людей изъ разныхъ странъ —
Вотъ бы вышелъ великанъ!

Если бѣ только мы могли
Изо всѣхъ деревъ земли

Сдѣлать дерево въ одно —
Вотъ бы выросло оно!

Топоры бы всѣ собрать
Да въ одинъ топоръ сковать,

Съ рукояткою одной, —
Вотъ бы былъ топоръ большой!

Если бѣ этимъ топоромъ
Это дерево потомъ

Подрубилъ бы великанъ
Да столкнулъ бы въ океанъ —

Вотъ ужасный былъ бы трескъ,
Вотъ бы громкій вышелъ всплескъ!

Владиславъ Ходасевичъ

СЫНКО-ФИЛИПКО

(Репродукція иллюстрацій Полънвой)

Въ сторожкѣ, на рѣчкѣ, у перевоза жилъ дѣдъ, старый паромщикъ, съ женою. Жили они вдвоемъ, дожили до старости, а дѣтей у нихъ не было. Сильно тосковала объ этомъ старуха, ужъ такъ-то она тужила, что и сказать невозможно.

Вотъ стала она дѣду такія слова говорить: „Нѣтъ у насъ съ тобой у горемычныхъ дѣтокъ, хоть бы ты мнѣ бревешко обтесалъ: я бы его въ ветошку обернула, стала бы въ зыбкѣ качать, пѣсенки ему пѣть — все бы хотъ немножко тоску размыкала“.

Дѣдъ сжалился надъ старухой, взялъ чурбанъ, обтесалъ его, сдѣлалъ мальчика, уголькомъ ему глазки, ротикъ и носикъ написалъ и далъ старухѣ.

Она обрадовалась, стала его пѣствовать да въ зыбкѣ качать, словно онъ живой. И такъ-то усердно она его качала, что онъ вдругъ ожилъ и закричалъ, а потомъ сталъ расти, какъ настоящей мальчикъ.

Ужъ и рады были старики сыночку, назвали его Филиппомъ и стали его выращивать и выхоловать.

Растетъ сынко-Филипко, и отецъ съ матерью на него радуются. Выросъ сынко-Филипко, сталъ хорошей, здоровый паренекъ.

Началъ на рѣчку ходить, рыбку удить. Потомъ сталъ къ лодкѣ привыкать, и такъ полюбилось ему это, что иной разъ съ разсвѣтомъ уйдетъ да такъ все вдоль рѣчки ѣздитъ, рыбкой занимается. Въ полдень мать на берегъ придетъ, огонь разведетъ, навѣситъ котелокъ, сваритъ кулешокъ, подойдетъ къ рѣчкѣ и начнетъ его кликать: „Сынко-Филипко! по рѣченькѣ ѣздишь, рыбушку ловишь, — ближе, ближе къ бережку, по хлебай кулешку“.

Тогда сынко-Филипко причалитъ къ берегу, выгрузитъ рыбу, отдастъ ее матери, сядетъ, попопдничаетъ и опять за работу.

Разъ какъ-то баба-Яга, костяная нога, подслушала, какъ мать Филипка звала. Захотѣлось ей Филипка хитростью изловить и себѣ ужинъ изъ него сготовить. Вотъ

она сѣла въ ступу и покатила къ тому берегу, гдѣ Филипко поблизости рыбу удилъ.

Ѣдетъ баба-Яга, костяная нога, пестомъ погоняетъ, метлой слѣдъ замаетъ. Приѣхала, развела костеръ, навѣсила котель, сама въ ельникъ спряталась и закричала: „Сынко-Филипко, по рѣченькѣ ѣздишь, рыбушку ловишь — ближе, ближе къ бережку, по хлебай кулешку!“ —

А Филипко ей отвѣчаетъ: „Знаю, что это не моя матушка меня кличетъ; у моей матушки голось тонкій, а это вотъ какой грубый. Это ты, баба-Яга, меня обманываешь, ты меня съѣсть хочешь“.

И не поѣхалъ къ берегу. Такъ баба-Яга ни съ чѣмъ домой вернулась.

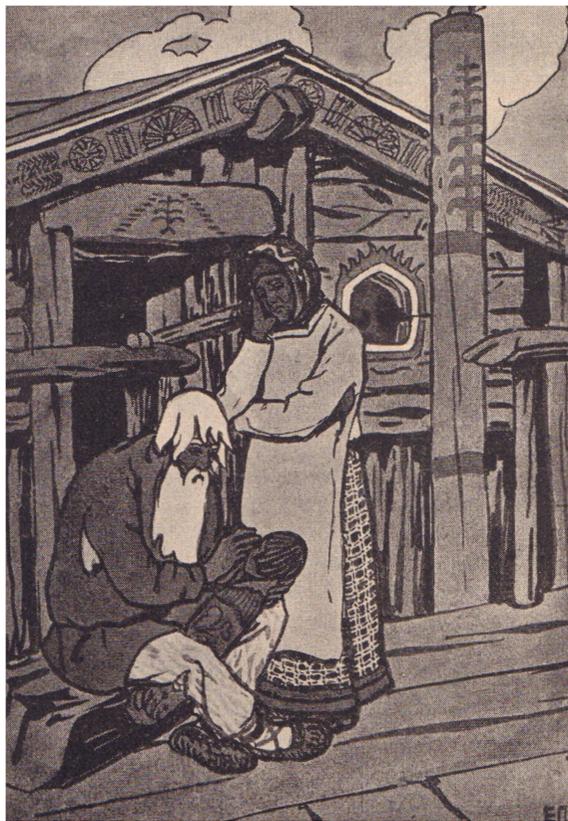
На другой день, прежде чѣмъ къ берегу ѣхать, она надумала пойти въ кузницу, гдѣ кузнецъ лошадей ковалъ, и говоритъ ему: „Ковалекъ, ковалекъ, скуй мнѣ новый язычокъ: мнѣ нуженъ тонкій голосокъ“. Кузнецъ сковалъ ей коротенькій язычокъ, и сдѣлался у бабы-Яги тонкій голосокъ.

Она съ нимъ живо, живо къ рѣчкѣ, все приладила: и огонекъ, и котелокъ, и кулешокъ, и тонкимъ голоскомъ закричала: „Сынко-Филипко, по рѣченькѣ ѣздишь, рыбушку ловишь, — ближе, ближе къ бережку, по хлебай кулешку!“

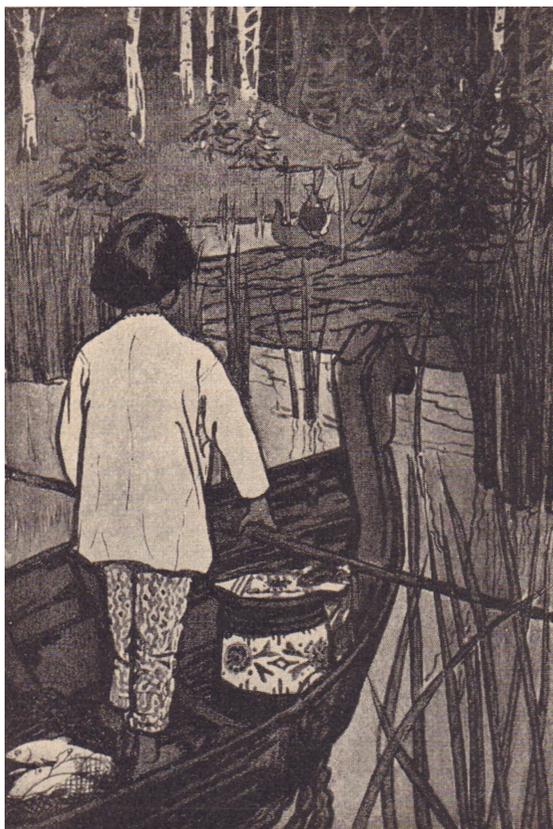
Услыхалъ ее сынко-Филипко, подумалъ, что мать его кличетъ, и поѣхалъ на голось. Только выпрыгнулъ онъ на берегъ, баба-Яга изъ-за елки выскочила, когтями его ухватила, въ ступу посадила и поѣхала съ нимъ къ своему двору. Подѣхали. Баба-Яга кричитъ своей дочери: „Настаска, Настаска, отворяй ворота!“ А Настаска была такая же вѣдьма и злоха, какъ сама баба-Яга. Вѣхала баба-Яга съ Филипкомъ во дворъ, говоритъ своей дочери: „Настаска, Настаска, топи баню жарко, жарко, мой Филипка бѣло, бѣло!“

Настаска докрасна истопила въ банѣ печь, вымыла Филипку добѣла.

Тогда баба-Яга говоритъ ей: „Теперь истопи

... дѣдъ взялъ чурбанъ и сдѣлалъ мальчика ...

... „ближе, ближе къ берегу“ ...

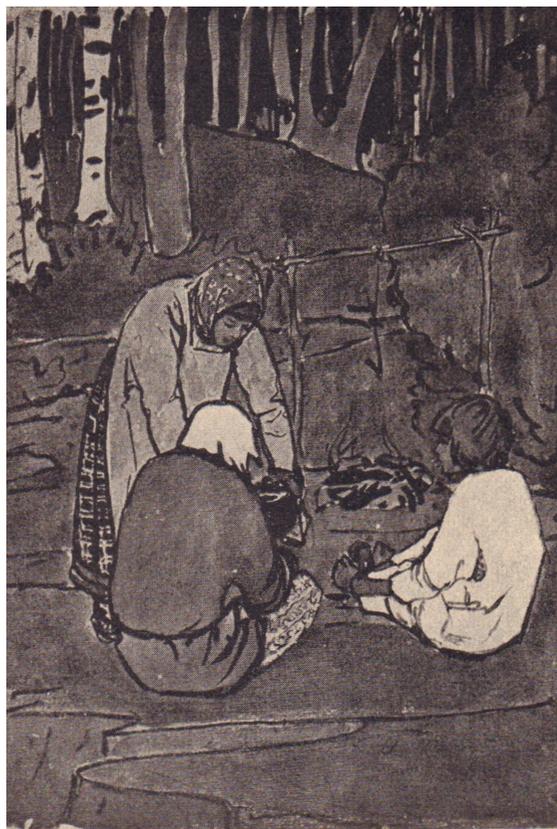
печку въ избѣ и зажарь его; когда будетъ готовъ я вернусь“. Сама сѣла въ ступу, взяла пестъ да метлу и уѣхала.

Настаска истопила печку. Ей самой до смерти захотѣлось отвѣдать Филипкинаго мяса. Взяла лопату и говоритъ Филипкѣ: „Сынко-Филипко, садись на лопату“. Онъ говоритъ: „Я не умѣю — покажи мнѣ“, и взявъ у нея лопату изъ рукъ. Она говоритъ: „Вотъ такъ!“ — и сѣла на лопату. Онъ ее взялъ да въ печку и сунулъ. Самъ живо изъ избы воня; думаетъ, какъ бы ему отъ бабы-Яги укрыться. Слышитъ, что она близко ѣдетъ. Вотъ онъ до большого дерева добѣжалъ, на дерево влѣзъ, сидитъ притаившись.

Приѣхала баба-Яга, кричитъ: „Настаска, Настаска отвориай ворота!“ Настаска не откликается. „Куда это она запропастилась? подумала баба-Яга, вылѣзла изъ ступы, сама, ворота отворила и во дворъ вѣхала. Идетъ въ избу, видитъ — печка истоплена. Она печку открыла и говоритъ: „Покатайся, поваляйся, сына-Филипки косточки поглодай“.

Сынко-Филипко услышалъ да и закричалъ: „Не мои, а Настаскины косточки поглодай!“ Услышала баба-Яга его голось, выбѣжала изъ избы и видитъ — онъ, живой, на деревѣ сидитъ. Вотъ она за топоромъ сбѣгала и давай дерево рубить.

Посмотрѣлъ Филипко внизъ, видитъ — бѣда ему неминуемая. Взглянулъ кверху, а надъ нимъ летятъ утки. Онъ закричалъ: „Уточки бѣлыя, уточки сѣрыя, скиньте мнѣ по перышку, я сплету изъ нихъ

... попоудничаютъ и опять за работу ...

крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери!“

Уточки бросили ему каждая по перышку. Филипко сталъ сплетать изъ нихъ крылья; сплелъ, замахалъ ими, но они были слишкомъ малы и не могли поднять его кверху. А баба-Яга все рубить да рубить, такъ что щепки во всѣ стороны летятъ.

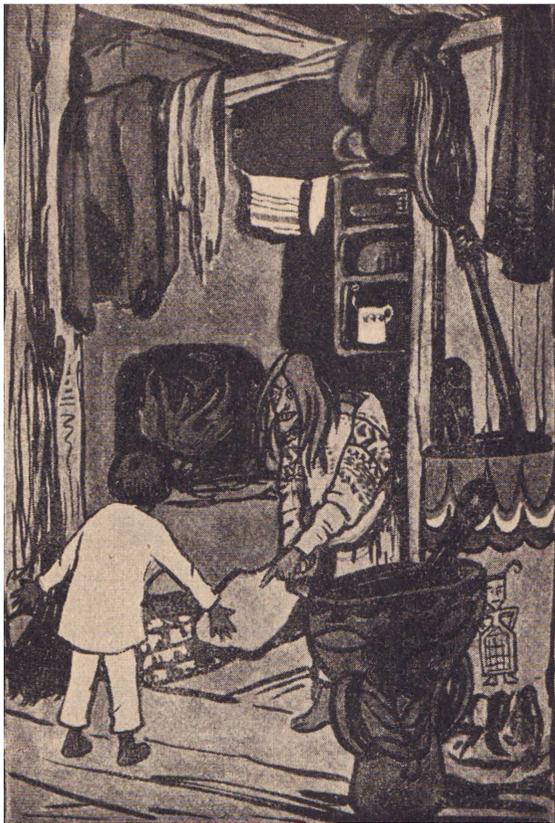
Взглянулъ Филипко опять наверхъ, видитъ — летятъ гуси вереницею. Онъ закричалъ: „Гуси бѣлыя, гуси сѣрыя, скиньте мнѣ по перышку, я влечу ихъ въ свои крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери!“ Гуси бросили ему по перышку. Онъ ихъ вплелъ въ свои крылышки, замахалъ ими, но они все еще были слишкомъ малы и не могли поднять Филипка. А баба-Яга внизу все рубить да рубить, ужъ дерево затрещало и пошатнулось.

Еще разъ взглянулъ Филипко на небо, видитъ — летитъ стая лебедей. Онъ закричалъ: „Лебеди бѣлыя, лебеди сѣрыя, скиньте мнѣ по перышку, я влечу ихъ въ свои крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери“. Лебеди бросили ему по перышку. Онъ ихъ вплелъ въ свои крылышки.

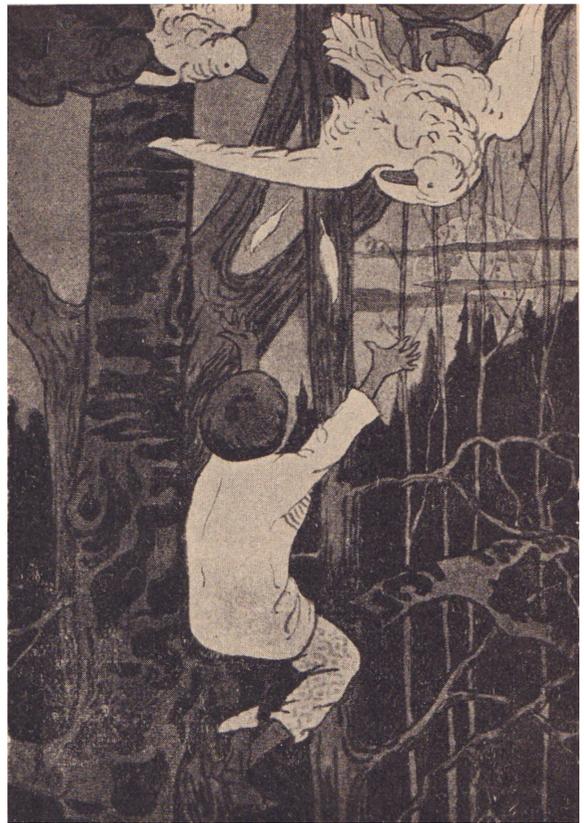
А баба-Яга внизу дерево дорубила. Дерево стало падать, а Филипко взмахнулъ крыльями и полетѣлъ вверхъ, какъ птица.

Баба-Яга только руками развела да зубами закрежетала.

А Филипко домой къ отцу, къ матери полетѣлъ.

... „сынко-Филипко, садись на лопату“ ...

... „уточки бѣлыя, уточки сѣрыя скиньте мнѣ по перышку“...

Прилетѣлъ онъ къ окошечку, сѣлъ на травку.

А мать напекла блиновъ, созвала гостей, поминаетъ Филипка и говоритъ: „Это тебѣ, гостекъ, это тебѣ, старичокъ, а это мнѣ блинокъ!“ А Филипко подъ окномъ отзывается: „А мнѣ?“

— „Погляди-ка, старичокъ, кто тамъ просить блинокъ?“

Старикъ вышелъ увидалъ сына-Филипко, обхватилъ его, привелъ къ матери — пошло цѣлованіе и стали они вмѣстѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

К. БАЛЬМОНТЪ

РѢШЕНІЕ ФЕИ

Солнце жаворонку силу пѣть даетъ,
Онъ до Солнца долетаетъ и поетъ,
Птичка жаворонокъ — пѣвчимъ птичкамъ царь.
На совѣтѣ птицъ давно рѣшили, встарь.

Но рѣшенье птицъ не принялъ соловей,
Онъ съ обидой дожидается ночей.
И какъ только означается луна,
Соловьиная баллада всѣмъ слышна.

Фея молвила: Чего же спорить имъ?
Ну и глупые съ рѣшеніемъ своимъ.
Послѣ утра есть вечерняя заря,
Въ днѣ и ночи пусть намъ будетъ два царя.

К. Бальмонтъ

ОХОТНИКЪ ДО СКАЗОКЪ

Жилъ себѣ старикъ со старухой, и былъ старикъ большой охотникъ до сказокъ и всякихъ розсказней. Приходитъ зимою къ старику солдатъ и просится переночевать.

— Пожалуй, служба, ночуй, — говоритъ старикъ, — только съ уговоромъ: всю ночь мнѣ разсказывай: ты человѣкъ бывалый, много видѣлъ, много знаешь.

Солдатъ согласился.

Поужинали старикъ съ солдатомъ и легли на палатяхъ рядышкомъ, а старуха съла на лавкѣ и стала шерсть прядь.

Долго разсказывалъ солдатъ старику про свое житье-бытье, гдѣ былъ и что видѣлъ. Разсказывалъ до полуночи, а потомъ помолчалъ немного и спрашиваетъ у старика:

— А что, хозяинъ, знаешь ли, кто съ тобою на палатяхъ лежитъ?

— Какъ кто? — спрашиваетъ хозяинъ. — Въстимо, солдатъ.

— Анъ, нѣтъ, не солдатъ, а волкъ.

Поглядѣлъ мужикъ на солдата — и точно, волкъ. Испугался старикъ, а волкъ ему и говорить:

— Да ты, хозяинъ, не бойся, погляди на себя, вѣдь и ты медвѣдь.

Оглянулся на себя мужикъ — и точно, сталъ онъ медвѣдемъ.

— Слушай, хозяинъ, — говоритъ тогда волкъ, — не приходится намъ съ тобою на палатяхъ лежать: чего добраго придуть въ избу люди, такъ намъ смерти не миновать. Убѣжимъ-ка лучше, пока цѣлы.

Вотъ и побѣжали волкъ съ медвѣдемъ въ чистое поле. Бѣгутъ, а навстрѣчу имъ хозяйнова лошадь.

Увидѣлъ волкъ лошадь и говоритъ:

— Давай, съѣдимъ ее.

— Нѣтъ, вѣдь это моя лошадь, — говоритъ старикъ.

— Ну такъ что жъ, что твоя, — голодъ не тетка.

Съѣли они лошадь и бѣгутъ дальше, а навстрѣчу имъ старуха, старикова жена. Волкъ опять говоритъ:

— Давай старуху съѣдимъ.

— Какъ такъ? Да вѣдь это моя жена, — говоритъ медвѣдь.

— Какая твоя! отвѣчаетъ волкъ.

Съѣли и старуху.

Пробѣгали такъ медвѣдь съ волкомъ цѣлое лѣто.

Настаетъ зима.

— Давай, — говоритъ волкъ, — заляжемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я спереду лягу. Когда найдуть на насъ охотники, то меня перваго застрѣлятъ, а ты смотри: какъ меня убьютъ да начнутъ шкуру сдирать, выскочи изъ берлоги да черезъ шкуру мою переметнись — и станешь опять человѣкомъ.

Вотъ лежатъ медвѣдь съ волкомъ въ берлогѣ; набрали на нихъ охотники, застрѣлили волка и стали съ него шкуру снимать. А медвѣдь какъ выскочитъ изъ берлоги да кувыркою черезъ волчью шкуру... и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головой.

— Ой, ой! — завопилъ старый. — Всю спинушку отбилъ.

Старуха перепугалась и вскочила.

— Что ты? Что съ тобой родимый? Отчего упалъ? Кажись и пьянъ не былъ.

— Какъ отчего? — говоритъ старикъ. — Да ты, видно, ничего не знаешь! — и сталъ старикъ разсказывать: мы де съ солдатомъ звѣрьемъ были; онъ волкомъ, а я медвѣдемъ; лѣто цѣлое пробѣгали, лошадку нашу съѣли и тебя, старуха, съѣли.

Взялась тутъ старуха за бока и ну хохотать.

— Да вы, — говоритъ, — оба уже съ часъ мѣста на палатяхъ во всю мочь храпите, а я сидѣла да пряла.

Больно расшибся старикъ: пересталъ онъ съ тѣхъ поръ до полуночи сказки слушать.

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ

ШАРАДЫ

№ 4

Мой первый слогъ къ землѣ находится всѣхъ
ближе,
Однако, отъ земли онъ нѣсколько пониже.
Послѣднее — рѣка
Въ Россіи протекаетъ,
Она и широка и очень глубока;
А все весною къ намъ съ чужбины прилетаетъ.

№ 5

Слогъ первый тотчасъ вы найдете,
Коль скоро гамму пропоете.
Второй и третій слогъ игра.
А цѣлое найдемъ у столяра.

№ 6

Когда читатель ты возьмешь,
Двухъ музыкальныхъ ногъ названья,
То сразу цѣлое найдешь:
Имъ можно мѣрить разстоянія.

№ 7

Скажите, что нельзя со стѣны ни смѣть, ни
срубить, ни соскоблить, ни закрасить?

№ 8

При рожденіи нѣтъ у меня ни головы, ни
ногъ, а человѣкъ ѣсть, да хвалить; выростутъ
голова и ноги — человѣкъ опять ѣсть да по-
хваливаетъ.

№ 9

Въ небѣ есть, въ землѣ нѣтъ; въ бабѣ два,
а въ мужикѣ ни одного.

№ 10

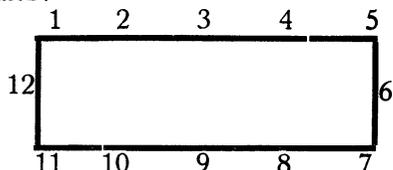
Никогда не учился ни одному языку, а го-
ворю на всѣхъ.

№ 11

Отгадайте, что за слово?
Въ немъ семь буквъ, оно не ново,
И безъ всякаго сомнѣнья
Очень нужно для черченья...
Взявъ четыре первыхъ буквы,
Безъ труда найдете вдругъ вы
Домъ, гдѣ идутъ представленья,
Вызывая восхищенье...
А съ конца четыре тоже
Вы возьмите... Боже, Боже!...
Что у Васъ за превращенье:
Для овса есть помѣщенье!

ОДНА КРОВАТЬ

Въ харчевню зашли какъ-то 12 человѣкъ
путешественниковъ и сѣли ужинать за столъ
вотъ какъ:

Тутъ только хозяинъ харчевни сообразилъ,
что у него всего-на-всего есть только одна
кровать.

— Ничего, — сказали путешественники, —
одиннадцать человѣкъ лягутъ на соломѣ, на
полу, а двѣнадцатый — на кровати.

— А кто же именно ляжетъ на кровати? —
спросилъ одинъ англичанинъ, который за сто-
ломъ занималъ мѣсто за № 7.

Всѣ молчали, и тогда онъ предложилъ слѣ-
дующее:

— Господа, я начну считать отъ единицы
по порядку, и на кого придется 7, тѣ и должны
ложиться на соломѣ. А кто останется послѣд-
нимъ, ляжетъ на кровати.

— Отлично! — сказали всѣ, и тогда англи-
чанинъ началъ считать да такъ искусно, что
остался онъ самъ и потому могъ занять мѣсто
на кровати.

Съ какой цифры изъ сидящихъ за столомъ
началъ считать англичанинъ?

ЗАДАЧА - ШУТКА

По улицѣ идетъ господинъ съ дамой, на-
встрѣчу имъ попадается молодой человѣкъ.
Господинъ спрашиваетъ даму:

— Кто это?

— „Это единственный сынъ единственной
дочери моей матери“ — отвѣчаетъ дама.

Кѣмъ молодой человѣкъ приходится дамѣ?

АРИМЕТИЧЕСКІЙ ФОКУСЪ

Попросите особу, задумавшую какое-нибудь
число, утроить его, прибавить къ произведенію
единицу и помножить все на 3. Къ суммѣ,
полученной отъ этого, предложите прибавить
задуманное число и будьте увѣрены, что если
вы изъ этой суммы вычтете правую ея цифру,
то останется такое количество, которое, будетъ
въ 10 разъ больше задуманнаго числа, а если
совсѣмъ вычеркнете правую цифру, то оста-
нется задуманное число.

Положимъ, задуманное число есть 2.
 $2 \times 3 = 6$; $6 + 1 = 7$; $7 \times 3 = 21$; $21 + 2 = 23$ — $3 = 20$,
число, превышающее число 2 въ десять разъ,
и, отбросивъ 0, остается 2.

ОТВѢТЪ. Волшебный квадратъ № 3. (См. № 6).

Квадратъ нужно разрѣзать по темнымъ линіямъ (р. 1) и
составить вновь (р. 2); тогда сумма во всѣхъ рядахъ будетъ
равняться 34.

1	15	5	15
8	10	4	9
11	6	15	2
14	3	13	7

р. 1

1	11	6	16
8	14	3	9
15	5	12	2
10	4	13	7

р. 2

Содержаніе слѣдующаго № 11 (№ 3/1926) номера:

Стихи. Разказы: Ив. Шмелева — „Въ ударномъ порядкѣ“ — разказъ ветеринара (Окончаніе).
Н. Хорегова — „Старый Артемъ“, А. Даманской — „Я не хочу“, Вл. Лодыженскаго —
„Изъ альбома Жиронды“.

Репродукціи картинъ И. И. Левитана, двѣ въ краскахъ.

Отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „Искусство“. „Русская книга“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области
науки, открытій и изобрѣтеній“.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсяныя хлопья

„MILLENIUM“

Главное мѣсто продажи у К. А. БУШЪ и П. БАУМАНЪ, Господская ул. 23. Тел. 26-92.

Отъ Издательства журнала „Перезвоны“
Акціонерн. Общества Печатнаго Дѣла „Саламандра“

Въ виду поступающихъ въ Издательство запросовъ о
выходѣ изданія „Новая Нива“, Издательство „Перезвоны“
настоящимъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что оно
никакого отношенія къ означенному изданію не имѣетъ.

ТЕАТРЪ - ВАРЬЕТЕ

„МАРИНЭ“

дир. Ф. Э. Кару.

Съ 11-го января на экранѣ:

„Пробужденіе любви“

Французская кино-пьеса.

Въ главной роли: ФРАМСЪ ДЕЛІА.

==== На сценѣ: Грандіозное Revue въ 3-хъ отдѣленіяхъ: =====

Подводное царство.

1-ое: Рыбачій поселокъ, 2-ое: Радио-телеграфъ и 3-ье: Морское дно. Постан. Ив. Руденкова
и Э. Плевицкаго. Декор. художн. Оскара Пампэ.

Рекламный домъ
“Колоколъ”

” Бл. Кузнечная 45.
Телефонъ 27-27.

Приемъ объявленій для всѣхъ газетъ и журналовъ. Составленіе объявленій. Плакаты, этикетки, упаковки. Исполненіе всевозможныхъ художественныхъ работъ на стеклѣ, жести и т. д. Диапозитивы. Худож. печатн. произв.

Представители:

газеты „Слово“, журнала „Перезвоны“ и „Юный читатель“.

Собственный рекламный отдѣлъ.

Радій

какъ лечебное средство

Научная медицина лечитъ радіемъ цѣлый рядъ болѣзней и состояній слабости, какъ то : ломоту, ревматизмъ, боли въ поясницѣ, нервныя боли, болѣзни обменна веществъ, малокровіе, слабость отъ старости и т. д.

Успѣшное леченіе радіемъ можно достигать тѣмъ, что принимаютъ препараты, содержащіе основное вещество въ точно приспособленныхъ дозахъ, какъ это имѣется на лицо при продаваемыхъ здѣсь въ аптекахъ препаратахъ м и р а д і я

MIRADIUM

Если врачъ не прописываетъ иначе, начинаютъ со стеклянки соли мирадія, потомъ употребляютъ лепешки мирадія и, наконецъ, таблетки мирадія, пока не достигнутъ желанный результатъ. Препараты мирадія стоятъ здѣсь 8 латовъ стеклянка.

NIVEA

Въ сырую, мокрую погоду
сохраняйте Вашу кожу по-
средствомъ „Nivea“!

Натирайте ежевечерне Ваше
лицо и руки кремомъ Nivea!
Ваша кожа станетъ гладкой и
Вы сохраните ее отъ шелушенія
и красноты.

Мыло Nivea содержитъ ест-
ественный пчелиный воскъ, бла-
годаря чему Ваша кожа стано-
вится мягкой.

Для зубовъ употребляйте всегда
Pebeco!

Для зубовъ всегда Pebeco,
а для кожи Nivea!

**Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.**

**БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.**

6 годъ изд. Поступила въ продажу **26-ая** книга журнала

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

издаваемого при ближайшемъ уч.: Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева. Содержаніе: 1) Л. Н. Толстой „Казакъ“. 2) И. А. Бунинъ — „Цикады“. 3) И. С. Шмелевъ — „На Пенькахъ“. 4) А. М. Ремизовъ — „Труддезертиръ“. По „бѣдовому декрету“. 5) Б. К. Зайцевъ — „Алексѣй Божій человекъ“. 6-8) Стихотворенія А. Герцыкъ, В. Ходасевича, Н. Оцупа. 9) Д. С. Мережковский — 1925—1925. 10) М. А. Алдановъ — Декабристы и Сперанскій. 11) М. О. Цетлинъ — О 14-омъ декабря. 12) М. И. Цвѣтаева — Мои службы. 13) П. П. Муратовъ — Кинематографъ. 14) Ф. А. Степунъ — Литературныя замѣтки („Тонкій и чуткій“ г-нъ Воронскій). 15) К. Р. Кочаровскій — Будущее общины. 16) Е. Д. Кускова — Объ утопяхъ, реальностяхъ и загадкахъ. 17) М. В. Вишнякъ — На родинѣ и на чужбинѣ (Пятилѣтніе итоги). 18) В. И. Талинъ — Господинъ Урожай — Культура и Жизнь. 19) В. Ф. Ходасевичъ — Пролетарскіе поэты 2) Ст. Ивановичъ — О резервахъ социализма. 21) Г. Д. Гурвичъ — Большевиизмъ и и замиреніе Европы. 22) Критическія и библиографическія статьи и замѣтки Ф. Степуна, Ст. Ивановича, Кн. Д. Святополкъ-Мирскаго, А. А. Кизеветтера, Г. Д. Гурвича, И. Ц. Демидова, В. В. Руднева, Е. Д. Кусковой, Д. М. Одица, В. Ф. М. 23) Указатель къ напечатанному въ ном. 1-26 Современ. Записокъ за пятилѣтіе 1920—1925 г.

Цѣна книги — 20 франковъ, 1 амер. долл., 34 чеш. кроны. Адресъ Редакціи и Конторы: 9-bis, rue Vineuse, Paris (16) Главный складъ: „Plamja“ — Praha, Ječná 32, Tschécoslovaquie. Представительство въ Германіи; „Rodina“, Berlin, W. 50, Kegenburgerstrasse 13. Представительство во Франціи: „La Source“, 9-bis, rue Vineuse, Paris (16). Tel. Passy 39-61.

Единственный въ Ригѣ teatrs RADIO Cafe

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообразная программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9¹/₂ час. веч.

Оригинальная новость. Танцовщицы Радио-балета, танцующая въ публикѣ модн. танцы, приглашаютъ кавалеровъ.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Большой выборъ

элегантныхъ
**МЪХОВЫХЪ
ШАПОКЪ**
для
ВЗРОСЛЫХЪ
и
ДѢТЕЙ.

ЭЛЕГАНТНЫЯ
ШЛЯПЫ
Юліусъ Поппъ
ИЗВЕСТКОВАЯ УЛ. 18.

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33
Виндава: Замковая ул. 24
Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

Принимается подписка на 1926 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
За границу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.
Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца.
Въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр. Натали и во всѣхъ контр-агентствахъ газеты.

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотография

А. Ратфельдеръ

Съдельный мастеръ бывш. И. Паргумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известиовая ул. 23. Тел. 61-45.

**Дорожныя, спортивныя и
военныя принадлежности.**

Постоянно большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. вулкан. Фибры.

Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.

Портфели. Бумажники. Ранцы.

Англ. военные ремни.

Гетры — стеки — футболы — бутсы.

Шпоры и петлицы оптомъ и въ роз-
ницу и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣркѣ.

Послѣдняя

мода въ дамскихъ сумкахъ.

Поступилъ въ продажу иллюстрированный Русскій Календарь - справочникъ на 1926 г.

Цѣна Ls. 1.—

Цѣна Ls. 1.—

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ
книжныхъ магазинахъ.

Въ Двинскѣ: у Трейзона и книжн. маг. „Лета“.

Въ Рѣжицѣ: у Колосова и книжн. маг. „Лета“.

Во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ
„ЛЕТА“.

Календарь высылается по почтѣ по полученіи стои-
мости почтовыми марками.

Съ заказами обращаться:

Рига, ул. Вальдемара 17, тел. 46-70

книжн. маг. В. Романовекаго.

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА для ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель Пров. С. ВЛУМЪ,
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики «КОМПЛЕКСЪ»

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и специальнымъ.
На складѣ Салоны стиля Ампиръ, Рококко. Столовыя, спальни и кабинеты.

Допускается разсрочка.

Chlorodont

Міровая марка для зубной пасты,

элексира и порошка.

Въ употребленіи милліонами.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)

наивысшій по качеству и превосходный по аромату.